

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ



Сергей САМАРОВ СУПЕРБОМБА



Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Супербомба

«Автор»

2008

Самаров С. В.

Супербомба / С. В. Самаров — «Автор», 2008 — (Спецназ ГРУ)

С армейского склада похищены две мощнейшие авиабомбы. По оперативной информации к преступлению причастна местная криминальная группировка. В операции по розыску бомб ведущая роль отведена старшему лейтенанту спецназа ГРУ Сергею Бравлинову. Он должен внедриться в криминальную среду города. Легенда Сергея незамысловата: его якобы несправедливо обвинили в убийстве уголовного авторитета, и теперь Сергей сам разыскивает убийц. По расчетам руководителей операции, контакт с преступниками позволит Сергею выйти на след похитителей. Промедление хуже смерти – украденные бомбы могут в секунду разнести полгорода. Время пошло...

© Самаров С. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ПРОЛОГ	5
Часть I	10
ГЛАВА 1	10
1. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ	10
2. КАПИТАН ВЕНИАМИН РУСТАЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ	16
ГЛАВА 2	22
1. КАПИТАН МИЛИЦИИ АНАТОЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ, ГОРОДСКОЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК	22
2. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ	28
ГЛАВА 3	35
1. КАПИТАН ВЕНИАМИН РУСТАЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ	35
2. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Самаров

Супербомба

ПРОЛОГ

...Солнце за окном зенит покинуло и уже подоконник большого коридорного окна осветило. То один из нас, то другой бросал взгляд на часы. И очень часто, хотя все мы умеем время и без часов чувствовать. Сейчас это делалось автоматически и с недовольством в лицах. Стрелки двигались неумолимо, а комиссия все оттягивала начало работы. Они там, за дверями, по причине совсем не майской жары зеленый чай с лимоном пили, им дневальный приносил. Много выпили, скоро, похоже, должны начать в туалет бегать. А мы сидели в коридоре на подоконнике, болтали ногами и ждали. Чего ждали, почему не начинают, непонятно. Может, разбирают дела тех, кто экзамен «завалил»? Из семерых нас трое осталось, кто прошел весь путь. Четверо отсеялись по разным обстоятельствам и в разных условиях. Двоих ФСБ каким-то образом вычислила, одного менты повязали по ориентировке из ГРУ, а последний вообще в какую-то историю влип, «поломал» где-то в захолустном городке местных крутых парней и тоже нечаянно к ментам угодил. Только там его и узнали, а он их «поломать» не решился, и это ему тоже поставили в вину. Если первые трое просто с заданием не справились и им через какое-то время дадут возможность попробовать снова, то последний все концы обрубил. Выказал неумение мимикрировать. Он должен был дать себя избить и не показать, что способен к сопротивлению. Лучше было в травматологическое отделение больницы угодить, откуда сбежать несложно. А он к ментам в лапы. Но если попал, то выкручивайся всеми способами. На «все способы» он не решился – духа не хватило. Его списали окончательно даже из спецрезерва. И их всех четверых даже не пригласили на оформление результатов. Я слышал, всех уже по бригадам отправили, чтобы солдатами командовали и где-нибудь по Чечне ползали. Решили, на большее пока не пригодны.

А нас на подоконник посадили, ждать. На тот самый подоконник, который за время ожидания из прохладного превратился в горячий благодаря движению солнца и, конечно же, неизбежному для такой ситуации трению.

Когда мы и ждать устали, к нам вышел начальник курса подполковник Заливайко, хмурый и вспотевший, словно он сам экзамен сдавал. В принципе он его и сдавал. То есть мы сдавали, а он отвечал за то, что четверо «завалились». Наверное, досталось подполковнику за излишнюю «мягкость» при подготовке. Два года назад после «мягкости» Заливайко трех парней из ДШБ¹, я слышал, на инвалидность отправили. Это было, когда в Чечне готовилась какая-то совместная закрытая операция спецназа ГРУ и спецназа ВДВ и подготовкой руководил наш подполковник. Мы подготовку все семеро выдержали, но четверо на «маршруте» отсеялись. Я лично считаю, что им просто не повезло. Парни стоящие и были, и остались. Конечно, четвертый только подвел. Неужели десяток ударов вытерпеть не мог. Ради хорошего дела можно даже чужой нож себе по ребрам «пустить». Это просто делается, только реакцию и умение следует показать, и повернуться под удар под нужным углом, тогда рана безопасной будет, хотя и устрашающей.

Подполковник глянул на нас из-под сурово сведенных густых бровей.

Мы, естественно, с подоконника прыгнули и по стойке «смирно» вытянулись.

– Потеете? – спросил Иван Палыч.

¹ ДШБ – десантно-штурмовой батальон.

– Никак нет, товарищ подполковник, – за всех ответил Медвежий Заяц, то есть лейтенант Миша Зайцев. У него язык легкий, всегда старается за всех отвечать.

– Понятно. Это я за вас потею.

– Долго еще, товарищ подполковник, ждать? – Капитан Рустаев боялся на поезд опоздать. Он билет загодя взял, торопится. У него жена вот-вот рожать должна, а врачи предупредили, что у самой жены капитана состояние здоровья не слишком хорошее – сердце подводит. И потому Вениамин вдвойне волновался – и за жену, и за будущего ребенка.

– Ждите. Из Москвы начальство пожалует. По вашу, мать вашу, душу.

И мы ждали дальше. Начальство пожаловало через пятнадцать минут. Это начальство во всех бригадах спецназа военной разведки знали – полковник Мочиллов из диверсионного управления ГРУ. Обычно он боевыми операциями руководил. Если по нашу, мать нашу, душу, то капитан Рустаев напрасно надеется получить краткосрочный отпуск. Коли на «разбор полетов» сам полковник Мочиллов пожаловал, придется его жене рожать без поддержки сильной капитанской руки. И когда эта рука придет жену и ребенка поддержать, неизвестно. Случалось, что отцы семейства возвращались к совершеннолетию детей. Но это редко, и обычно бывает тогда, когда вместе с полковником Мочилловым приезжает кто-то из агентурного управления ГРУ. Тогда операция обещает быть долгосрочной, если не многолетней.

Рустаева и вызвали первым, словно знали, как он торопится. Долго не говорили. Не больше двух минут. Выпускали через другую дверь, чтобы с нами не общался. Когда вызвали меня, третьим и последним по счету, в кабинете уже и лейтенанта Зайцева не было.

* * *

Полковник Мочиллов сразу оборвал мой доклад, читая какие-то бумаги. Просто руку с раскрытой ладонью поднял, заткнись, дескать, старлей, не шуми. Без доклада можно обойтись, потому что и без того понятно, что я не капитан Рустаев и не лейтенант Зайцев. Думаю, бумаги читал, имеющие ко мне отношение. Потом очки снял и на меня посмотрел.

– Слышал ты, старший лейтенант, такую крылатую фразу: «Генералы всегда готовятся к прошедшей войне»?.. Это Черчилль сказал.

– Никак нет, товарищ полковник, с Черчиллем знаком не был...

Полковник хмыкнул на такую вольность. И задал второй вопрос:

– А кто, по-твоему, готовится к войне будущей?

– Разведка, товарищ полковник, – ответил я не задумываясь.

Мочиллов хмыкнул и улыбнулся.

– В принципе ты правильно сказал, а Черчилль ошибался.

– Он в разведке, товарищ полковник, не служил. Он больше по партийно-чиновничьей линии специализировался.

– Он имел в виду ученых. Но разведка тоже обязана думать о войне будущей, хотя в разведке тоже присутствуют свои генералы. Что я тебе могу сказать. Испытание вам всем семейством давали двойной сложности, если не тройной. И не случайно. Ты испытание выдержал и поступаешь в мое распоряжение. С сегодняшнего дня, с сего часа, с сей минуты. И будь готов к новым испытаниям... Они будут уже не учебными и многократно более сложными...

– Я готов, товарищ полковник.

Мочиллов размашисто расписался на последней странице многостраничного документа, решая мою судьбу.

– В «индивидуалке» впервые, значит, работать будешь. И псевдонима у тебя пока нет...

– Нет, товарищ полковник.

– Придумай что-нибудь запоминающееся. И в то же время невзрачное. Только не «Агент 007», пожалуйста.

– Агент 2007, – подсказал один из членов комиссии.
– Почему? – спросил полковник.
– Выпуск 2007 года.
– А что, годится, – согласился Мочиллов. – Ты сам не возражаешь?
– Никак нет, товарищ полковник.
– Добро. Татуировку с оперативным псевдонимом во всю грудь делать не будешь?
– Никак нет, – я улыбнулся предположению полковника.
– А что смеешься, несколько лет назад был случай. Новоиспеченный агент не постеснялся. Только не на груди, а на плече. А на другом, как оказалось, у него «летучая мышь»² была.
– Я, товарищ полковник, не любитель татуировок.
– Тогда иди в штабной корпус, получай документы, а потом своего инструктора найди. Дежурный подскажет. Капитан Русаков введет тебя в курс дела.
– Извините, товарищ полковник, за любопытство. А что стало с тем любителем татуировок?
Полковник хмыкнул себе под нос.
– Когда нынешнюю операцию благополучно завершим, причем с положительным результатом, я тебе расскажу. Это для тебя стимул хорошо сработать. Иди к капитану Русакову...

* * *

На столе полтора десятка различных папок с документами. Все разложены аккуратно, симметрично, чуть не по линейке выровнены. Видно, что человек, их раскладывавший, педант и аккуратист. И бумажную работу любит самозабвенно.

– Посмотрите, Агент 2007, что это, по вашему мнению, такое? – Капитан Русаков, мой инструктор, подsunул мне большую фотографию. Вроде бы мимоходом, когда сам другие бумаги смотрел, но я понимал, что «мимохода» при инструктаже не бывает.

Я посмотрел.

– Ядерный взрыв, как я понимаю, – сказал твердо.

Грибовидное газово-пылевое облако позволяло думать именно так.

– Значит, не понимаете, – не согласился он. – Это события августа девяносто девятого года. Дагестанский аул Тандо. Тогда его захватили чеченские боевики. Жители аул покинули, остались только те, кто боевиков поддерживал. Впрочем, в ауле было много исламистов. И около двух сотен чечен. Тогда с «Су-25» на аул была сброшена бомба объемного взрыва³. Практически все боевики были уничтожены одной бомбой. Заряд объемного взрыва является самым мощным после ядерного.

– Теоретически я это знаю, а видеть не приходилось, – я с трудом вспомнил, что слышал кое-что об этой бомбе еще в военном училище на занятиях по «ГрОБу», как мы звали курс гражданской обороны. Кажется, если память мне не изменяет, такое оружие появилось в мире еще в шестидесятые годы прошлого века.

² «Летучая мышь» – эмблема спецназа ГРУ.

³ Действительные события. Была применена бомба с зарядом объемного взрыва «ОДАБ-500ПМ». Использование объемной бомбы имело не только боевой, но и психологический эффект. В последующие дни боевики, только заметив в небе одиночный штурмовик «Су-25», бросались бежать прочь от приблизительной трассы его полета. Появился даже жаргонный термин «эффект Тандо». Американский аналог «BLU-82» Daisy Cutter при применении американцами в Ираке во время проведения операции «Буря в пустыне» вызвал панику среди английского спецназа, наблюдавшего за взрывом издали. Англичане даже нарушили режим эфирного молчания и сообщили своему командованию, что американцы применили ядерное оружие. Принцип действия бомбы объемного взрыва достаточно прост. Иницирующий заряд подрывает емкость с горючим веществом, которое мгновенно образует в смеси с атмосферным воздухом аэрозольное облако, подрываемое вторым детонирующим зарядом. В принципе в бомбе используется тот же эффект, который возникает при взрыве бытового газа, только многократно усиленный за счет иных, более эффективных, исходных материалов.

Капитан поднял на меня спокойные, почти ленивые глаза.

– Я догадываюсь, что вы такого не видели. Я тоже, кстати. Это было первое и единственное применение нашей армией данного вида оружия. До этого бомбу только испытывали, но достаточно давно, когда мы с вами пешком под стол ходили. Тем не менее она стоит на вооружении и время от времени модифицируется. И мы начинаем получать от нее первые неприятности.

– Слушаю вас, товарищ капитан, – понял я, что карты выложены на стол, то есть преамбула высказана и сейчас будет сказано основное.

– Недавно при ревизии одного из законсервированных военных складов обнаружено отсутствие двух единиц авиабомб с зарядами объемного взрыва «ОДАБ-500ПМ». Вы можете себе представить, что случится, если такую бомбу взорвать в центре большого города? А это возможный вариант. Найти бомбы следует как можно быстрее, причем не показывая результатов, чтобы взрывные устройства не были приведены в действие раньше времени. Задача чрезвычайно сложная и ответственная. Но ради ее выполнения не стоит ни о чем другом жалеть. Следствие закончилось только подозрениями... Есть три рабочие версии. По одной из этих версий вы и будете работать... Под своим именем, со своим званием, как офицер спецназа ГРУ, еще не разжалованный и не осужденный, но находящийся под следствием...

– То есть? – не понял я.

Капитан вопрос не услышал.

– Вы арестованы по подозрению в заказном убийстве уголовного авторитета, – это было сказано так, словно капитан Русаков в этом кабинете представлял собой следака из ментовки и приготовился арестовать опасного преступника. Мне даже как-то не по себе стало от подобной манеры разговаривать, хотя я прекрасно понимал, что это тоже часть введения в задание.

– Я арестован? – Не переспросить я не мог, поскольку еще не привык к сугубо конкретной манере разговора инструкторов.

– Арестованы. Будете арестованы или как там правильно по закону – задержаны. Арест исчисляется с момента предъявления обвинения. Убит уголовный авторитет Мамоны. Завтра будет убит. Это, можешь не переживать, не мы. Просто у нас есть информация от ФСБ, что Мамоны задел интересы каких-то криминальных структур в Казахстане, не пошел на уступки и его решили ликвидировать. Это не имеет отношения к нашему делу. А мы улики подбросим. Послезавтра вас арестуют. По подозрениям следствия, кто-то из близкого окружения Мамоны был завязан в истории с похищением двух авиабомб с зарядом объемного взрыва. Вам придется бежать, и, волею судьбы, вы обязаны попасть к людям Мамоны. По крайней мере, наладить с ними контакт. Понимаете?..

– И они сразу со мной рассчитываются. Без суда и следствия.

– На этом все и строится. Если бы вы были виноваты, вы не пришли бы к ним. Для вас сейчас единственная возможность спастись и вернуться к прежней жизни – найти убийцу Мамоны. У бандитов цель та же самая. Потому вы к ним и обратитесь. Они и спрячут от ментов и помогут вам вести поиск. При этом вы должны знать, что у Мамоны и его друзей обширнейшие связи среди ментов и даже среди офицеров ФСБ неруководящего состава. Поэтому для ментов и для большинства работников ФСБ вы представляетесь настоящим преступником. И побег вам предстоит произвести настоящий, следовательно, в вас будут стрелять, вас будут искать, вас постараются уничтожить.

– Все как на экзамене, – сказал я.

– Да, именно по этой причине вы проходили экзамен повышенной сложности. Ваша задача понятна?

– Выжить.

– Это уже ваше личное желание, и меня оно касаться не может. Ваша задача другая – найти две авиабомбы с зарядом объемного взрыва и обезвредить преступников, чтобы подобные похищения со складов не повторялись.

– Я готов, – согласился я на новый экзамен.

– Тогда приступим к конкретному обсуждению. Сразу говорю, что работать вы будете не в полной «автономке», поскольку регион чрезвычайно коррупционный, и коррупция там поразила все органы, начиная от властных структур, кончая силовыми. Поддержку и страховку мы обеспечим, но в пределах разумного.

– Разумные пределы касаются похорон, товарищ капитан? – спросил я.

– Не каркай, – капитан перешел на «ты». – В твоём возрасте и при твоей службе пора бы уже стать хотя бы чуть-чуть суеверным.

Часть I

ГЛАВА 1

1. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

После продолжительного бега с препятствиями в виде заборов разной высоты, сделанных из разного материала и с разным уровнем мастерства или вообще без него, дыхание все же слегка сбивается. Только слегка, не больше естественного минимума. Я почувствовал это. Но скорее всего сбивается оно не от самого бега и не от преодоления препятствий, а из-за необходимости быть осторожным. Пробежишь участок и замираешь, прислушиваясь и присматриваясь, нет ли кого на следующем участке. Вот во время таких остановок, когда прислушиваешься, дыхание и задерживаешь, чтобы лучше слышать, – сбой физиологически неизбежен. Потом снова бежишь. Дважды даже собаки попадались, пусть на длинной, но, слава богу, на цепи. Собаки эти участки самостоятельно, без людей охраняют. Их только один раз в день кормить приезжают. Может быть, даже раз в два дня – это от хозяев зависит, от их любви к животным, от степени жадности и от уровня лени. Считается, что собака сбережет и имущество, и урожай. При этом никто не задумывается о том, что собаку тоже следует беречь. Не мне, конечно, об этом беспокоиться. Мне было бы лучше, если бы здесь не держали собак вовсе. Но собак издали видно и слышно – они сами себя показывают, поскольку, в отличие от волков и спецназовцев, засад не любят, и избежать встречи несложно. Рядом полно других заборов, которые тоже настойчиво просят, чтобы через них перемахнули. Главное, успеть вовремя места достичь, и еще успеть дыхание перевести, чтобы видно не было – этот человек только что бежал стипль-чез⁴. А от моего наблюдательного пункта на дереве, откуда дорогу и пост ГИБДД хорошо было видно, до нужной скамейки – три километра. Дистанция вполне спортивная и не слишком утомительная. Расстояние меньше стандартного, хотя препятствий больше. Я преодолел ее с неплохим результатом и отдышаться успел. Тренировка сказалась. Я эту дистанцию, ради испытания, вчера дважды преодолевал с секундомером в руке, а потом один раз, когда уже нужную машину заметил, преодолевать не стал, потому что в машине, которую остановили на посту, было два человека, мужчина и женщина, а встреча с двумя людьми не входила в мои планы. Я тогда оставил скамейку отдыхать без тяжести моего тела. Мне только один из них нужен был. К сожалению, только мужчина...

Сейчас же мужчина был как раз один. Он приехал поливать сад.

* * *

Сам я давно знаю, что привычка просто так носить с собой оружие никого и никогда не доводила до добра. Тем более если тебе оружие по закону не полагается, то есть если оно не называется официально табельным. Я бы даже сказал ему это открыто, но такие навязчивые откровения пока не входили в мои планы. Впрочем, в мои планы очень даже входило его появление так, казалось бы, не вовремя. Я даже бежал специально, чтобы успеть до момента его

⁴ Стипль-чез – стандартная легкоатлетическая дистанция в 3,5 км, бег с препятствиями по кругу стадиона с преодолением барьеров и ямы с водой.

появления. И вся эта кутерьма завязалась тоже специально для нашего неназойливого знакомства, и обязательно по его, естественно, инициативе. После всей окружившей меня кутерьмы эта инициатива в том или ином проявлении неизбежна. Интересно, во сколько обходится городу эта кутерьма, которая всех, грубо говоря, «на уши ставит»?.. И тех, кому положено покой прочих охранять, и даже прочих, чей покой первые якобы охраняют. Перекрыть полностью город с полутора миллионами жителей непросто. И недешево, наверное. А перекрыли плотно, по мере сил и возможностей, поскольку на ментов сильно давит уголовный мир, который не любит, когда его авторитетов жизни лишают. Это давление иногда может быть сильнее любого иного давления, потому что уголовный мир в лице самых ярких своих представителей с властью слился или даже стал частью ее. Следовательно, уголовный мир и через власть давит тоже. А в практической своей деятельности менты именно власти подчиняются. Не закону, как должно было бы быть, а только власти, то есть и уголовному миру в том числе.

Этот тип с пышными запорожскими казачьими усами и животом, как на знаменитой картине Репина, где усы и животы так светятся, что затмевают весь смысл письма турецкому султану, явно не имел права носить оружие по закону, несмотря на собственный вес килограммов под сто тридцать. Впрочем, вес тела не является синонимом веса в обществе. Но он все равно права не имел. Я это понял уже по тому, как он по сторонам посмотрел, прежде чем пистолет из подмышечной кобуры вытащить, – не видно ли за невысокими заборами соседей, да и по тому, что за оружие он в кобуре носил, тоже можно было догадаться. Те в нашей стране, кто имеет право оружие носить, такого оружия, как правило, не имеют. Да и лицензию на оружие человеку с такими татуированными руками никто не даст – надежды и доверия его внешность не вызывает не только у прохожих, но и у ментов в разрешительном отделе. А они еще и в досье иногда заглядывают. Однако все мои умозаключения – просто обычная практика, своего рода тренировка, чтобы автоматически сработало при необходимости. И не надо все это вычислять, а вычисляешь. Мне не надо было, потому что кое-что я о нем знал, то есть я много о нем знал и ждал персонально его, основательно подготовившись к разговору.

Тем не менее наличие у него пистолета явилось для меня неожиданностью. Не все я, видимо, знал. По предоставленной мне информации, у него не должно было быть пистолета, поскольку временно почти законопослушные граждане пистолеты обычно не носят. Но пистолет есть, и дело стоит корректировать на бегу. Я скорректировал. Правда, не на бегу, а уже остановившись и успев дыхание восстановить. Но одновременно же наличие пистолета вселяло надежду, что объект просчитан почти правильно и он меня не «сдаст». Вариант «сдачи» тоже предусматривался. Тогда операция имела возможность благополучно провалиться в самом начале. Но мне тогда предстояло выпутываться самостоятельно. Естественно, в разумных пределах. Чуть дальше, когда я из разумных пределов выберусь, мне помогут и прикроют. Но в любом случае пресечение операции нежелательно. Обидно это было бы.

Теперь у меня появились более веские основания рассчитывать, что он не «сдаст».

Он меня увидел, успел рассмотреть как следует и только после этого оружие достал. А я продолжал лежать на скамейке в его, насколько мне было известно, саду, прячась под тенью яблони, и даже ноги при приближении хозяина на землю не поставил.

– Ни хрена себе. Какого ты здесь? – красноречиво поинтересовался он довольно высоким для своего тела голосом и почесал стволом пистолета нос. Хорошо хоть, пистолет с предохранителя не снял, что я сразу отметил, а то мог бы человек и без носа остаться, а винил бы потом меня.

– Видишь же, отдыхаю, – ответил я без затей, но с легкой насмешливой хрипотцой в голосе. От жары жабы сводило, да я еще бегал в такую погоду, потому неосторожно хлебнул холодной колодезной водички, горло и перехватило. У него здесь, в саду, колодец глубокий и ведро на звонкой цепи. Пока ведро воротом вытягиваешь, весь слюной изойдешь и язык от сухости трещинами покроется. Но я, к счастью, к ангине склонности не имею и знаю, что

хрипотца пройдет скоро. Да и ведро с водой я вытащил час назад, чтобы вода слегка прогрелась. Она, правда, все равно еще оставалась холодной, отсюда и хрипотца.

Он ждал иной реакции, поигрывая стволом и словно бы поторапливая события. Но я ничуть не смутился присутствием пистолета в его руке. А он, видимо, на внешнюю внушительность девяносто второй «беретты»⁵ сильно надеялся и потому даже чуть-чуть растерялся – мелкие глазки часто заморгали. Это порой случается, когда большие надежды не оправдываются. Растерянности я, говоря честно, от него не ожидал, исходя из его психограммы, основанной на конкретных фактах биографии. Согласно моим представлениям, он должен быть человеком более решительным. Впрочем, это могла быть не растерянность от моей реакции, а растерянность от узнавания меня. Отреагировать он был обязан, но не знал, как себя вести дальше. Неподготовленным оказался к любому последующему шагу.

– Что, уже и отдохнуть уставшему человеку нельзя?.. – добавил я намеренно равнодушно, но наблюдая за его поведением достаточно внимательно.

Усатый мужчина осмотрелся по сторонам, проверяя, не видит ли кто нашу беседу. Но я еще раньше проверил – в соседних домах, как и в соседних садах, несмотря на изнуряющую жару, пусто. Казалось бы, бежать из города на свежий воздух надо так, чтобы лопатки судорогой сводило. Но люди бегают сюда только по выходным. В остальное время предпочитают дышать выхлопными газами и прочей городской гадостью, которой здесь, в промышленном центре, в воздухе больше, чем чего-то хорошего. И плачутся при этом, что работа их на природе не пускает. Бросать надо без жалости такую работу. В бега, в бега, как я, подаваться следует. На природу.

– Так че ты?.. – спросил усатый с легким возмущением и при полном непонимании ситуации и вопросительно животом пошевелил, как другой бы голову вздернул. – Так и будешь тут, братан, скамейку мне давить?..

Его красноречие, говоря откровенно, поражало.

– Ты же в дом не приглашаешь, – я стал скромно напрашиваться в гости. Я вообще человек от природы скромный, в других наглость не люблю и в собственном поведении без необходимости ее не поощряю.

– Ну, коли так, дык заходи, что ли, – он оказался, по большому счету, не злым человеком и, может быть, даже мне посочувствовал, если догадался о чем-то. А догадаться было нетрудно, поскольку ехал он сюда на новеньком «мерине»⁶, из которого только что вышел, и ехал обязательно мимо ментовских постов. Он никак не мог проехать, минуя эти посты. Он не проехал мимо них, потому что я своими глазами видел в бинокль, как его остановили. Увидел, повесил бинокль на ветку дерева, откуда его завтра моя «страховка» снимет, если он мне самому не понадобится – бинокль хороший и дорогой, стоит, как машина, потому что с тепловизором, и побежал.

Усатый еще раз осмотрелся вокруг. Не любит, как и я, посторонних взглядов – и я это в глубине души очень даже одобряю. И после этого показал стволом пистолета на дверь дома, приглашая и путь указывая.

– Встать помощи... – мой голос обрел требовательность. – Мне спину прихватило...

– Молод еще, кажись, со спиной маяться, – оценил он мой возраст. Внешне – лет на пятнадцать его моложе.

– Со спорта травма. Это на всю жизнь.

– Знакомо... – если он спортом и занимался, то не иначе как тяжелой атлетикой. Конечно, в супертяжелой весовой категории. Не люблю тяжелоатлетов. У них голова тяжелая. Все кулаки

⁵ «Беретта-92» – мощный пятнадцатизарядный пистолет армейского образца калибра 9 мм, имеет двухрядную обойму, состоит на вооружении в Италии, США, Израиле, Египте и ряде других стран. Считается одним из лучших армейских пистолетов в мире.

⁶ «Мерин» – «Мерседес».

отбить можно, не добившись результата. Один мой знакомый две бутылки шампанского о голову тяжелоатлета разбил, а голове хоть бы что. А ведь бутылками из-под шампанского можно гвозди забивать.

Усатый перехватил пистолет в левую руку, а правую мне под спину подсунул. И легко заставил сесть. Этого я и добивался. Коротко ударил локтем в челюсть и перехватил оружие. «Беретта» тут же уперлась ему в живот, и предохранитель угрожающе громко щелкнул. Манипуляции с оружием оказались не напрасными, поскольку мой предваряющий эти манипуляции удар не произвел на усатого ровным счетом никакого впечатления. Могу спорить – тяжелоатлет!.. Другого бы я обязательно свалил, потому что ударил жестко и резко и попал точно.

– Ну, ты, дурень, даешь, – он только после этих слов понял, что его пистолет уже в моей руке, чему несказанно удивился. А подбородок все-таки с силой потер – значит, он у него не каменный. – И чего?..

– Да почти ничего.

Он некоторое время раздумывал, прикидывая цели, которые могли бы быть достигнуты моей неоправданной атакой.

– Машину тебе, что ли, хочется, дык она тебе ни к чему, – он показал, что прекрасно понимает, кто перед ним. Уже этими словами показал, что знает, как опасно мне появляться на дороге. Как опасно мне вообще на открытом месте появляться.

– Совершенно ни к чему, – я легко согласился, и так же легко встал на ноги, и помощи больше не просил. – Пойдем в дом.

– «Замочить» хочешь? – спросил он, впрочем, без особого испуга.

– Хотел бы, «замочил» бы уже здесь. Какая мне, на хрен, разница.

Усатый животом недоуменно пошевелил, как другой пожал бы плечами.

– Ну, дык пойдем.

Еще раз по сторонам посмотрел, вздохнул глубоко и двинулся к дому первым. Ключ на связке со многими другими ключами он искал долго, но все-таки нашел, после нескольких поворотов дверь распахнул почти гостеприимно, но негостеприимно вошел первым и сразу двинулся в глубину своего большого дачного дома, словно показать желал, что он за дверью не спрятался и не нанесет удар из-за угла, то есть из-за косяка. Это показалось мне достаточно уважительным отношением, и вполне вероятно, что он знает больше, чем могли сообщить ему менты при проверке на дороге.

Что менты спрашивают при проверке на дороге – общеизвестно. Останавливают машину, интересуются, есть ли в машине посторонние. Причем стандартный вопрос задают даже тем, кто в одиночестве едет. Меня самого так в прошлом году останавливали, когда я один ехал. И спросили. Я тогда даже в форме был. И сообщил, что роту солдат в багажнике везу. Шутку не поняли и не оценили, но документы не проверяли. Дело было недалеко от расположения нашей бригады, и к офицерам бригады менты относились с уважением и с опаской. А если пьяный им попадался, всегда старались отвернуться, даже если пьяный их к себе звал. Просто были случаи для ментов нелицеприятные. Вернее, для их лиц неприятные, а нелицеприятными их считали для наших офицеров, которые не желали лица ментов беречь...

Я вошел и сразу за порогом осмотрелся, словно был тут впервые. И даже постарался усилием воли любопытство в глазах зажечь. Но я еще вчера вечером дом осмотрел основательно и подготовил его для разговора. «Жучки» поставил не только в самых популярных местах, но даже в подвале, где есть одна бетонированная комната, очень удобная для содержания пленника. Это на случай, если дело не так пойдет, как следует, – я доверия не вызову и меня каким-то образом туда запрут. Чтобы иметь пусть одностороннюю, но связь. Впрочем, из всех других мест дома информация тоже доходить будет. Машина с «прослушкой» стоит недалеко, на посту ГИБДД, оправдывая свое присутствие тем, что офицеры нашей части вместе с «гиб-

бонами»⁷ дежурят, чтобы опознать меня, если я появлюсь. Если даже появлюсь, естественно, никто не опознает, но для ментов помощь армии в этом случае важна. Кто знает, люблю я носить парики и накладные бороды или не люблю. Я-то, конечно, этого не люблю, но менты подозревать меня в желании изменить внешность тоже полное право имеют.

* * *

– Тебе пива или чай?

– Чай из холодильника, – сказал я. И тут же поймал себя на том, что чуть было не «зава-лился», чуть было не показал, что даже содержимое его холодильника изучил, хотя ничего и не тронул. Но успел поправить ситуацию, переведя знания в неуверенную просьбу. – Если тебе не трудно, завари и в холодильник поставь бутылочку. Лучше зеленый. Зеленый чай имеется?

– Имеется.

– Так в Южной Америке чай пьют. Кофе – горячим, чай – холодным, – я ненавязчиво объяснил то, что он, наверное, и без меня слышал. Если бы не слышал, то не держал бы в холодильнике чай.

– Был там, что ли? – поинтересовался он.

И легенды о спецназе ГРУ он тоже слышал. В легендах рассказывается, что спецназ ГРУ по всему свету воюет, чуть ли не в Антарктиде на стороне одних пингвинов против других пингвинов. В действительности такое положение вещей было только при Советском Союзе. Как только в какой-то стране начиналась очередная пингвинья заварушка, наших спецов сразу отправляли туда. Сейчас же подобные командировки – редкость и удача для любого офицера спецназа.

– Нет, только читал, – я проявил соответствующую случаю скромность. – И жена у меня дома так же делает. Я ее научил.

– У тебя того... – проявил он интерес. – Жена-то где?

Проявил сочувствие. Это уже хорошо.

– Дома, – я сказал чистую правду. – Или на работе. Но, скорее, дома. Она иногда дома работает. Дай «мобилу», если не жадный.

Маленькие глазки-буравчики посмотрели на меня недобро. Жадным он, похоже, не был, разве что слегка жадноватым. Но мобильник из нагрудного кармана пропитанной потом рубашки все же вытащил и протянул.

Я набрал номер. Это предусматривалось планом. И даже предусматривалось, что я наберу не номер мобильного жены, а именно номер домашнего телефона. Трубка номер зафиксирует. Возможно, попытаются ее «достать». Через номер несложно вычислить домашний адрес. Жену прикрывают попарно опытные офицеры нашего батальона. За ее безопасность в этом случае можно не беспокоиться. Но если «доставать» ее будут, это тоже может дать в руки след. Дополнительный... Хотя вовсе не обязательно, что след этот приведет именно туда, куда следует.

Татьяна ответила быстро.

– Слушаю.

Она у меня научилась отвечать. Раньше всегда говорила традиционное «Алло!», теперь говорит строго по-военному «Слушаю». Почти как дежурный по штабу, только звания не называет и не представляется по всей форме, как положено: «Старший прапорщик Бравлинова».

– Привет, это я.

– Сережа! Что с тобой случилось?

– Не буду объяснять. Что бы тебе ни сказали про меня плохого, не верь. Это ошибка. Скоро все выяснится.

⁷ «Гиббоны» – жаргонное прозвище сотрудников ГИБДД.

– Ты где? Тебя уже дома искали. Ко мне менты приходили, спрашивали про всех твоих знакомых. Я назвала тех, кого ты уже почти забыл.

– Вообще никого называть не надо было.

– Я только тех, у кого ты точно не появишься.

– Все равно. Просьба только одна – не верь никаким обвинениям в мой адрес.

– Я и так не верю.

– Ладно, мальчишке привет. Я с чужой трубки звоню. Не буду чужие деньги тратить. Целую. Не переживай, все образуется.

– Береги себя.

Я отключился от разговора и вернул трубку хозяину.

– И что ты делать собираешься? – спросил усатый откровенно.

– Ты знаешь, кто я?

Он хмыкнул.

– А кто ж не знает. Твою фотографию по три раза в день по телевизору показывают. На моей памяти такой облавы еще ни на кого не устраивали.

Откуда-то с улицы донесся звук автомобильного двигателя.

– К тебе кто-то? – спросил я, показывая стволом пистолета на окно.

Он громко цыкнул, обозначая свое недовольство и непонимание. Гостей он, похоже, не ждал и не готов был радостно раскинуть руки при их появлении. Я не желал бы пока принимать его гостей тем более, но уже по собственным причинам.

– Соседи вроде сегодня не должны, – сказал усатый и пузатый и к окну подошел. – Ничего себе. Какого им тут. Менты едут.

– К тебе?

– А что им у меня делать. Я ментов не вызываю.

Я подошел к другому окну и осторожно выглянул. Ментовский «уазик» ехал неторопливо по улице среди коллективных садов. Похоже, скорость обуславливалась тем, что менты по сторонам посматривали. Урожай в конце мая собирать рано, высматривать, что стащить, – бесполезно, и на этом основании я сделал вывод, что и здесь меня ищут. Но на дверце «уазика» красовалась надпись «ДПС», то есть дорожно-патрульная служба. Это слегка разочаровывало, но и заставляло задуматься. Хотя использование такой машины может быть простой маскировкой.

– Могут к тебе и заглянуть, – я поднял пистолет.

Появление ментов в планы не входило и хорошего обещало мало. Убивать я никого, естественно, не собирался. Придется, в случае чего, просто бить, и бить жестко. Но это может разрушить подготовленный и уже разрабатываемый вариант.

– Машину увидят, остановятся обязательно, – сказал усатый. – Я выйду, поговорю.

Я посмотрел на него тяжелым взглядом. Глаза в глаза, взглядом диктуя необходимое поведение. Я умею взглядом диктовать поведение. Есть у меня такая отработанная и действенная способность.

– Не бойсь, не сдам. Я не ихний.

– С тебя тоже тогда за ствол спросят, – пообещал я, слегка растягивая свою речь, чтобы она была более внушительной и авторитетной. – И еще могут в мои сообщники записать, если я что-то не так скажу. Выходи сразу.

– Не бойсь, я сам с детства не люблю тех, кто «стучит», – сказал усатый.

Не знаю, взгляд он прочитал или сам такой.

Но мне он нужен именно таким, и никаким другим.

2. КАПИТАН ВЕНИАМИН РУСТАЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

В машине было жарко, и не было поблизости никакого навеса, чтобы под него переехать. Если с утра мы стояли в тени дерева, то теперь эта тень на проезжую часть вышла, а там не остановишься. И мы менялись чаще не потому, что трудно было на солнце дежурить, а потому, что было душно в машине сидеть. А сидеть приходилось. Нас четверо сюда было поставлено, и попарно дежурили вместе с «гиббонами» – проверяли выезжающие из города машины. Одна пара проверяет, другая на «прослушке» сидит. Естественно, «гиббоны» о «прослушке» не подозревали. Нам пока делать было особенно и нечего, и мы даже иногда втроем на дорогу выходили. Одного все равно в машине оставляли, чтобы ждал любого сообщения, даже не от Агента 2007, а от руководства операцией. От Агента 2007 сообщений поступать пока и не должно было, поскольку дорогу мы контролировали, и только мимо нас мог проехать человек, которого Сережа дожидается. И мы больше этого человека ловили, чем на остальные машины посматривали. И поймали-таки. Портреты мужчины средних лет из черного «Мерседеса-280» были у каждого в кармане. Анфас, в профиль, при животе и усах, в машине и без машины, да и номер машины мы выучили наизусть. Как раз я на дороге был, когда этот «мерс» подъехал. И подал условный сигнал. Снял бандану⁸ и платком коротко стриженную голову вытер. Это невооруженным глазом видно, но у Сережи бинокль имеется, для рассматривания подробностей.

«Гиббоны», что с нами работали, попались толковые, несуетливые, свое дело знали и, вопреки всем традиционным сплетням, слишком к водителям не придирались и откровенных поборов не устраивали. Так обычно и бывает – несколько ублюдков в службе заведется, и по ним обо всех остальных судят. Хотя, насколько я знаю, вся репутация «гиббонов» из Москвы идет. Москвичи вообще народ особый, не только «гиббоны». У них многое на подобных взаимоотношениях складывается, и потому их вся Россия не любит. И «гиббоны» там такие же – продукт столичного общества. В провинции, где совести у людей, как правило, больше, проще. Я по России много поездил. И кроме Москвы еще разве что в Башкирии нарывался на вымогательство взяток. Во всех остальных местах, сколько ни останавливали, дело обходилось выпи-санной квитанцией на оплату штрафа, если было за что, и все. Да и то не всегда, часто просто разговором дело ограничивалось. Ну и, естественно, проверкой документов.

В нашем случае ребята из ГИБДД имели еще подкрепление в виде двух пар из местного ОМОНа. Эти пары тоже менялись, как и мы. Но в такую жару поток машин был большим только с утра. К середине дня суeta на дорогах прекратилась – желающих выехать за город было, как ни странно, мало. Но нам жара работать не мешала, хотя тоже лень пробуждала.

* * *

Едва мы пропустили «мерс» с уса-тым и пузатым мужчиной, не забыв проверить и его багажник, к посту другая машина подкатила и через сплошную линию разметки под носом у «гиббонов» наполовину в тень будки забралась, чуть не вплотную к машине хозяев остано-вилась. Так только свои ездят, сразу понял я, и не ошибся. Из машины вышел скуластый и почти лысый, костлявый и весь состоящий из одних углов человек в гражданском, потянулся, показывая пистолет в подмышечной кобуре, и к нам направился. Козырять удостоверением не стал, просто скороговоркой представился:

– Капитан Севастьянов, городской уголовный розыск.

Омоновец, стоящий к капитану ближе других, тем не менее смотрел подозрительно, ствол тупорылого автомата держал наготове и чего-то ждал.

⁸ Бандана – косынка, в данном случае, камуфлированная косынка, предмет военно-полевой формы одежды спецназа.

И только после этого Севастьянов удостоверение старшему лейтенанту показал. Тот мельком взглянул и кивнул:

– Чем можем?..

Капитан кашлянул в кулак, прочищая горло.

– Тем и поможете. Я сообщение получил. Здесь неподалеку, в садовом товариществе, незнакомого человека издали видели. Бегом бегал, через заборы, собак дразнил. Описать не смогли. Фотографию по телевизору не видели, слышали о беглеце сообщение по радио. Позволили на пульт дежурному.

Вот и началось. У Сережи Бравлинова основательный прокол. Но это не его вина. Когда план просчитывали, там было возражение как раз со стороны самого старшего лейтенанта Бравлинова. Насчет пробежки на время, чтобы знать, за сколько он дистанцию преодолеет. Основания простейшие – когда бежишь, самому постороннего человека заметить трудно. А если он в грядках копается, а потом, услышав, что кто-то бежит, голову поднимет? Просто со спины посмотрит, сам оставаясь невидимым. Возражение не приняли, посчитав ситуацию маловероятной. Значит, не зря нас в подстраховку выставили, хотя Медвежий Заяц и проявлял по этому поводу недовольство. Ему не нравилось бесцельно на посту вместе с «гиббонами» отдыхать. Вот теперь уже получится, что не бесцельно.

– И что? – спросил старший лейтенант.

– Проверить сигнал надо. Мне бы пару человек.

Из будки «гиббоновский» майор вышел, со спины подошел как раз в нужный момент.

– У меня у самого там сад. Там казаки охраняют. Ребята серьезные, все из наших бывших сотрудников, посторонних отлавливают и в полном соответствии с казачьими традициями крапивой по заднице. А потом неделю работать заставляют. Бомжей быстро от визитов отучили, да и другим неповадно.

– Человек, которого мы с вами ищем, совсем не бомж, – сказал капитан.

– Если казаки пожелают его крапивой наказать, нам придется в дополнение ко всему искать могилы этих казаков, – добавил Миша Зайцев.

– Он, кстати, при побеге оружия не взял, – напомнил капитан. – Конвойные были вооружены пистолетами, он растерялся и оружия не захватил.

– Капитан, – сказал я с укором. – Он не растерялся. Старший лейтенант Бравлинов не знает такого состояния, как растерянность. Он просто не пожелал, чтобы конвойных после первого наказания наказали дополнительно за потерю боевого оружия. Старший лейтенант сам – человек-оружие, и ему не нужен пистолет. Тем более у конвойных наверняка были «макаровы».

– «Макаровы», – подтвердил капитан.

– От «стечкина» он наверняка не отказался бы. А «макаров» – что есть в руках, что нет его. Можно сказать, что это не пистолет.

– Ладно, не надо меня пугать. Я так понимаю, что вы его коллеги.

– Сослуживцы, – поправил я. – И в случае встречи со старшим лейтенантом Бравлиновым только мы сумеем его задержать. А никак не вы и даже не ОМОН.

Старший лейтенант ОМОНа согласно кивнул и передернул бронезиждетом так, словно лишняя в данной ситуации тяжесть совсем отдала ему плечи:

– Мы в Чечне в совместной операции с вашим спецназом участвовали. Мы не конкуренты, – голос был честный, и не поверить такому подтверждению ментовский капитан не мог.

– Тогда вы и поедете со мной, – решил ментовский капитан и ткнул меня пальцем в грудь.

– Только если хорошо попросишь. – Мне чужие решения все равно что матюки, на заборе мелом нарисованные. Не ко мне все это относится.

Мент понял, что здесь приказывать – нос у него коротковат, подрасти должен, и, легко смирившись с необходимостью, показал покладистый характер и просто руку мне на плечо положил, почти по-дружески:

– Выручай, капитан.

– Другое дело, – согласился я. – лейтенант Зайцев здесь остается, я еду. Лучше на «уазике» ДПС, это особых подозрений не вызовет.

Медвежий Заяц, успел я увидеть краем глаза, хотел возмутиться, но вовремя сообразил, что если он уедет со мной, то двоим придется покинуть машину и прийти нам на смену. А они сейчас на «прослушке» сидят. Слушать уже, похоже, есть что, потому что черный «мерс» уже минут пять как должен был на место прибыть. А сейчас, после моего отъезда, только один из наших офицеров к нему присоединится, а второй за работой останется. И мне не ехать нельзя, потому что проконтролировать ситуацию необходимо.

– Наша машина вообще с гражданским номером, – сообщил Севастьянов, словно открытие сделал или будто за слепого меня принял. – Никаких подозрений. На нашей лучше.

– Тебе так кажется. Любая машина подозрительна. А ментовская, если она едет открыто, должна меньше подозрений вызвать, чем простая. Кто прячется, тот не едет открыто – это старая истина. Бравлинов наверняка подумает, что это-то уж не по его душе. И может даже сам полюбопытствовать, показаться, если он действительно здесь прячется. В чем я сильно сомневаюсь. Я вообще сомневаюсь, что он в городе. И тем более что он за городом. Если его из города выпустили, то он не в садах отдыхать заляжет, а уберется подальше на первом же попавшемся товарняке. До железной дороги, как я понял из карты города, пара километров. Сколько тысяч вагонов проходит в день через станцию?

Мент в ответ плечами пожал. Это и было его согласие с моими резонными доводами.

– Я с вами поеду, – решил «гиббоновский» майор. – Свою машину я никому не доверю. Кроме того, я там все дороги знаю. Вы без меня просто заблудитесь.

– Ну, тогда едем, чего ждать, – сказал я.

* * *

Как только свернули на боковую дорогу, у меня мобильник закукарекал. Это мне сын такую, грубо говоря, мелодию на трубку поставил – «утренняя песня петуха». Я звонка ждал уже давно и потому ответил сразу, хотя номер определитель высветил незнакомый.

– Вениамин Владимирович?... – спросил тоже незнакомый и строгий женский голос.

– Да-да, я слушаю.

– Это из роддома. Нам номер дала ваша жена. Мы вас поздравляем. У вас сын родился. Вес три девятьсот, рост пятьдесят один. Хороший мальчик... – голос тем не менее был совсем не радостным. То есть голос был обычным, потому что постороннему человеку, работнику роддома, и радоваться было, по сути дела, не с чего. Для них появление на свет чьего-то второго сына дело вполне будничное. Но было в голосе что-то непонятное, какая-то недоговоренность.

– Спасибо. Как она сама? – сразу спросил я.

Пауза была долгой.

– Плохо, – ответили наконец. – Номер она после первых схваток дала, сейчас вообще не говорит. У нее сердце останавливалось. Хорошо, у нас кардиолог в корпусе оказался. Но состояние нестабильное. Врачи делают что могут.

– И что? – спросил я напряженно.

– Пока лежит под капельницей. Дежури́м возле нее.

– Спасибо, – сказал я тихо. – Держите меня в курсе дела. У меня ваш номер высветился. По этому номеру звонить можно? Узнать.

– Это ординаторская. Звоните. Кто ответит. У нас сейчас только одна Рустаева тяжелая. Все в курсе. Скажут. А вы сами приехать не можете? Хорошо бы вам приехать. Я не буду скрывать, очень тяжелое состояние.

– Я в другом городе. Не могу оставить службу. – У меня комок в горле застрял и говорить мешал. – Как только возможность представится.

– До свидания. Звоните. Очень тяжелое состояние. Ко всему будьте готовы.

Я нажал клавишу отбоя, подумал пару секунд, потом выбрал из списка «справочника» номер командира бригады и позвонил напрямую ему.

Машину подбрасывало на неровностях дороги. Мы уже подъезжали к воротам коллективных садов, и навстречу вышел человек в казачьей форме. Но все в машине – и «гиббоновский» майор, сидящий за рулем, и капитан Севастьянов, и парень в гражданском, что пересел из первой ментовской машины в «уазик», прислушивались к моему разговору. Машина остановилась перед воротами, и в это время мне ответили.

– Здравия желаю, товарищ полковник. Капитан Рустаев.

– Здравствуй, Вень. Ты где сейчас?

– На операции, товарищ полковник. Товарищ полковник, у меня просьба. Жена у меня сегодня родила, с ребенком все нормально, а сама... Короче говоря, мне сейчас звонили из роддома, у нее сердце останавливалось, еле-еле спасли, но состояние очень тяжелое. Вы не можете послать кого-то, на случай. Мало ли. Лекарство какое-то понадобится, еще что. Чтобы там машина подежурила.

– Понял, Вень. У меня сейчас твой комбат сидит. Я его озабочу и проконтролирую. Еще просьбы есть?

– Никак нет, товарищ полковник.

– С операции тебя снять я права не имею, но я позвоню, узнаю, что можно сделать.

– Ничего нельзя, товарищ полковник. Здесь нужны люди, которые его в лицо знают. Если равноценную замену. Только тогда.

– Я узнаю. А о жене твоей позаботимся, не переживай. Работай пока.

Я убрал трубку, зная, что наш полковник человек надежный и о своих словах не забывает никогда. Да и комбат тоже из тех, на кого положиться можно. Они помогут. Тем не менее на душе было нехорошо от того, что я, мужчина и опора семьи, не могу сейчас оказаться рядом с женой. Хотя помощи там от меня быть не может, но хотя бы моральная поддержка – это тоже стоит, как я понимаю, немало.

«Гиббоновский» майор даже к дежурному казаку вышел не сразу, слушал мой разговор или просто помешать мне не хотел. И вышел только тогда, когда разговор закончился. И капитан только с ним вышел – не очень торопился. И на меня взгляд через плечо бросил. Хотя, казалось бы, спешить ему следует. Сообщение к ментам поступило именно с телефонизированного поста у ворот, поэтому первый визит – именно сюда. Я тоже из машины вышел, оставив на заднем сиденье только парня в гражданском, который обойму патронами набивал. Интересно, молодой мент всегда патроны в кармане носит или только перед посторонними показывает, что умеет обойму набивать?.. С молодыми это бывает, они так свое волнение гасят.

– Нас пять человек дежурит, – рассказывал казак, человек средних лет, с нагайкой в руках, но без шпор, видимо, за неимением коня. Непонятно тогда, зачем ему нагайка. Вороватых бомжей гонять? Или же просто для самоутверждения и пущей похожести на настоящего казака. – Четверо разошлись на проверку, ищут постороннего, я у ворот пока один остался.

– Все вместе пошли или разошлись в разные стороны? – поинтересовался капитан Севастьянов и на меня посмотрел. Похоже, уже проникся сказанным ему ранее, на посту ГИБДД, и осознает опасность, которую может представлять собой Агент 2007. По крайней мере, я его взгляд именно так понял.

– Разошлись. Чтобы все пути перекрыть.

– Бог милостив, – сказал я. – Будем надеяться, что произошла ошибка и старшего лейтенанта Бравлинова здесь нет. Иначе...

– Они парни крепкие, надежные. – Казак даже позволил себе довольно ухмыльнуться.

– Какая разница, крепких хоронить или худосочных. – Капитан Севастьянов, оказывается, настолько проникся ситуацией, что лучше меня Сережины способности пропагандировал.

– Ладно, Антон. На какой линии его видели? – спросил «гиббоновский» майор, с казаком, видимо, знакомый.

– Седьмая линия. Через заборы, как заяц, скакал.

– Вот ни разу в жизни не видел, как заяц через заборы скачет. И не слышал даже. А когда это было? – переспросил я.

– Утром еще.

– Молодцы, – капитан Севастьянов возмущенно цыкнул. – А почему же, скажи-ка мне, Антон, сообщили только после обеда?

– А мы сами его не видели, это дачник выходил и нам сказал. Мы сразу и позвонили. У нас задержки никакой.

– Ни в одном глазу, – подсказал Севастьянов.

Я тоже еще на подходе, издали уловил запах сивушного самогона. Может быть, даже местного производства, потому что казак упорно закрывал грудью вход в свою сторожку-пост.

– Открывай ворота, – распорядился майор. – Поехали, посмотрим.

Я первым вернулся в машину. Я не сомневался, что Сережа Бравлинов только случайно может столкнуться с подвыпившими казаками и в любом случае легко обезвредит любого из них на длительное время. Естественно, убивать он никого не будет. Но все же лучше было бы подстраховать Агента 2007 и не допустить обострения ситуации. По крайней мере, ему не следовало бы вообще показывать, что он где-то здесь. Менты город перекрыли. Тем не менее он сюда, за город, выбрался, минуя все заслоны. Должны же они подумать, что выбирался он не для того, чтобы здесь застрять.

– Потихоньку поехали, – попросил с переднего сиденья капитан Севастьянов.

– Здесь быстро и не проедешь, машина развалится, – сказал «гиббоновский» майор.

– Вот и хорошо, – согласился Севастьянов.

Это майор откровенно преувеличивал. Я-то хорошо знал, что именно сюда ехал черный «Мерседес-280», и постоянно ездил, и ничего. Даже с таким чисто городским клиренсом⁹ машина пробирается до места. Если бы проблемы возникали, усатый и пузатый водитель не ездил бы сюда каждый день. А уж для «уазика» такая дорога не должна проблемной стать. Но я промолчал. Я, по логике вещей, не должен был знать, куда недавно проехал черный «мерс».

– У тебя дома какие-то неприятности? – неожиданно спросил Севастьянов.

– Сын родился. Второй.

– Обмыть надо, – заметил майор.

– И жена в тяжелом состоянии.

– Помощь какая-то нужна? – Ментовский капитан спрашивал серьезно, словно мог в действительности помочь и повлиять на события, происходящие за пару тысяч километров отсюда. Но он не знает, из какой я бригады. Он должен считать, что я сослуживец Бравлинова, следовательно, наша бригада стоит в двухстах километрах. И, наверное, помог бы, если бы я попросил что-то сделать.

– Нет, спасибо. Мне командир бригады помощь обещал. Они все сделают.

⁹ Клиренс – расстояние от нижней точки днища автомобиля до дорожного покрытия.

Лучше бы они не заводили эти разговоры. Я сам старался думать не о жене, а о Сереже, чтобы душу себе не рвать тогда, когда работать надо. А они возвращают меня к тяжелым мыслям. Но не скажешь же в ответ на доброе участие что-то грубое.

«Мерс» мы увидели вскоре. Неторопливо проехали по одной не слишком длинной улице, которую здесь почему-то называют, как я слышал, линией, рассматривали дома и участки с двух сторон, выехали на другую, ее проехали из конца в конец и увидели машину, как только свернули на третью улицу.

– Спросить надо. Давай туда, – скомандовал капитан майору.

– Он недавно мимо нас проехал, – сказал я. – Мимо поста. Мы документы проверяли. Животастый такой мужик, и все лапы в татуировках.

– Я знаю его, – сказал «гиббоновский» майор, – видел то есть. Здесь же, в садах. Какой-то торговец. Кажется, мебелью или унитазами. Кстати, до седьмой линии мы еще не добрались, это только третья.

Хотелось верить, что Сережа сумел достаточно быстро найти общий язык с пузатым усачом и все пройдет без происшествий. Судя по тому, что усач вышел навстречу нам, при каждом шаге пузо подбрасывая с самодостаточной величественностью, все так и было – контакт был установлен, и я мог смело об этом докладывать. Впрочем, парни из «прослушки» уже, наверное, успели доложить сами, не дожидаясь моего возвращения. Если не посчитают, что особо докладывать пока и нечего, и, может быть, в этом случае я успею вернуться до доклада, чтобы вклинить в деловой разговор личные мотивы.

Мы вышли из машины.

– Привет, хозяин. – Майор протянул пузатому и усатому руку через забор.

– Привет. – Усатый и пузатый руку пожал, но встречал гостей без восторга. Я сразу заметил у него на подбородке кровоподтек. Во время проверки на дороге этого не было.

Не вздумал бы только капитан Севастьянов в гости напроситься. Чтобы избежать этого, я стал рассматривать внутренности «мерса», в который совсем недавно и без того заглядывал. И к ментовскому капитану повернулся:

– Ты когда планируешь такую машину купить?..

ГЛАВА 2

1. КАПИТАН МИЛИЦИИ АНАТОЛИЙ СЕВАСТЬЯНОВ, ГОРОДСКОЙ УГОЛОВНЫЙ РОЗЫСК

Если я и планирую иметь в недалеком, желательно, будущем «мерина», и не такого простенького, а получше, как сейчас говорят, «покруче», то уж, конечно, о своих планах не буду рассказывать каждому встречному-поперечному только потому, что он по натуре и по профессии потенциальный убийца. Но я человек вежливый, воспитанный и внешне бесконфликтный, и потому даже потенциальному убийце ответил уклончиво:

– У вас в ГРУ на мечты каждого ментовского капитана досье имеется?..

И не забыл улыбнуться чуть застенчиво. Такую улыбку показать следует обязательно, и я этого правила не забываю. Ах, как дураки тугодумные любят такие улыбки, ах, как верят им и сразу к тебе симпатией располагаются!..

Спецназовец, кажется, от улыбки, вопреки моим ожиданиям, не расплылся.

– Нет, только на тех, кто подлежит обязательному отстрелу, – спокойно и абсолютно похамски ответил он.

Сначала я даже опешил, потом решил не обижаться. Что с такого дубодела взять. Армия есть армия. Армию улыбкой не прошибешь, ее надо совковой лопатой по харе. И чтобы лопата пошире была. Вот-вот. Значит, я правильно отношусь к этим офицерам. Это подготовленные за счет государства высококлассные и мало думающие убийцы, и даже шутки у них такие, солдафонские, с определенным уклоном. Но я вынужденно хохотнул, принимая даже зверскую шутку за весьма милую. С волкодавами жить – лучше ягненком прикидываться, чем волком.

– Меня пока, кажется, не за что расстреливать. – Это было мое полное и категоричное убеждение, поскольку по нынешним законам я ни под одну расстрельную статью не подходил. И это даже не учитывая введенный мораторий на смертную казнь.

– Я же не сказал «расстреливать», – голос капитана звучал категорично. – Расстреливают, насколько мне известно, по приговору. Я сказал – «отстреливать». Отстреливают за дело, и мнение судьи при этом не спрашивается. Сам, наверное, лучше моего знаешь, что каждого, кто год в ментовке прослужил, уже есть за что отстреливать.

Суров он, однако, как замерзший мамонт, а я улыбаться и прикидываться добрым малым начал уже, кстати сказать, уставать. Хорошо, что Хома вовремя вышел за калитку и не дал мне на резкость сорваться – мое терпение тоже не безгранично. Отвернувшись от спецназовца, я в глаза Хоме холодно посмотрел, и от него тоже тут же отвернулся, чтобы он не надумал сдурить со мной заговорить, как со старым знакомым, несмотря на то что между нами давно злобная кошка перебежала. Пусть лучше с майором разговаривает, по-соседски. Но Хома свое место знает и показывать наше знакомство не стал. Он бы тоже с удовольствием меня, как говорит этот спецназовец, «отстрелял», но руки у жирного ублюдка коротки. Хочется надеяться, что никогда длиннее не вырастут.

– Чего прикатали-то? – поинтересовался Хома хмуро.

Его живот брезгливо посторонился, чтобы не задеть майорский аккуратный пока еще животик. Если в простой обстановке майор выглядит пузатым, то рядом с Хомой его вполне можно принять за человека достаточно стройного и спортивного.

– Ты один дома? – разговор как начал, так и продолжил майор, и мы брать инициативу на себя не пожелаали.

– Семья работает. А у меня свободный график, – ответ прозвучал не конкретно, но понять его было можно.

– Никого постороннего вокруг не видел?
– Казаки козлами скакали. Один, потом другой. Только вот, перед вами.
– Они не посторонние, – неуверенно возразил майор.
– Кому как. Мне они не друзья и не родня. Ваши они, все менты бывшие.
– Ну, ладно, – майор вздохнул. Ему тоже, похоже, было известно отношение Хома к ментам. По одним татуированным волосатым лапам понять мог, если в спецкартотеку не заглядывал. А там немало страниц отведено личности Виктора Николаевича Хоменко. – Ночевать здесь будешь?

– Не-а. Солнце зайдет, грядки полью, и домой. Чего комаров кормить. – И он с удовольствием подтвердил сказанное, шлепнув себя широкой ладонью по шее – комара убил.

– Тоже верно. А у меня вот жена поливает. Я уже две недели на участке не показывался. В такую погоду каждый день поливать приходится. – Майор явно желал поговорить по-хорошему и к себе Хому расположить. Он еще не знал, наверное, что это невозможно. Мент и человек с двумя серьезными «ходками» несовместимы, как кошка с воробьем.

Хома в ответ, рук не прикладывая, живот приподнял, как плечами пожал. С такими талантами к манипуляциям животом впору в цирке выступать. Он явно был не в духе и в длительный разговор вступать не пожелал. «Мякнул» сигнализацией, вытащил с заднего сиденья «мерина» сумку и на нас поочередно посмотрел, словно взглядом спрашивал – что нам еще нужно.

Мы переглянулись и пошли к машине. Хома подождал, когда захлопнутся в «уазике» громкоголосые дверцы, и вразвалочку в дом вернулся.

* * *

– Германьч!.. – Слава Щербаков, наш лейтенант, который из машины так и не вышел, когда мы Хому рассматривали и расспрашивали, протянул мне трубку мобильного. – Тебя. Дежурный.

Слава парень услужливый. Он у меня вместо секретаря. Я даже номер телефона часто его даю, а не свой, чтобы он разбирался, с кем и по какому вопросу мне следует беседовать самому, а с кем беседовать не обязательно. Лейтенант с такой постановкой вопроса согласен и все делает правильно. Только два месяца в отделе, и успел оказаться почти незаменимым помощником.

Дежурный сообщил, что поступило еще два сообщения. Первое можно отбросить сразу, исходит оно явно от ребенка, и ребенок ничего толком объяснить не может. Просто видел на улице около магазина того «дяденьку», которого по телевизору показывали. И дает направление, куда «дяденька» пошел. Дежурный все же отправил наряд по улице прокатиться, присмотреться. Нас ехать не попросил. Второе сообщение из другого района от пожилой женщины, которая уверена, что по телевизору показывали человека, который сегодня утром пришел в соседнюю с ней квартиру. Она его в дверной глазок видела, но сразу толком не рассмотрела. Рассмотрела его только вот-вот, когда на лестнице с ним столкнулась. Человек выходил предположительно в магазин и возвращался с сумкой, полной продуктов. Явно собирался надолго дома засесть. Уверена на все сто процентов, что человека определила правильно. Квартира, в которой человек поселился, постоянно сдается то одним, то другим жильцам. Хозяев давно не было видно.

Группа захвата уже выехала на место.

– Сам-то как, поедешь? – спросил дежурный.

– Еду! – согласился я. – Передай категорично, чтобы группа захвата не торопилась. Без меня пусть не суются. А то они его сразу «в окрошку». Он мне живым нужен.

Мне этот старший лейтенант спецназа ГРУ действительно нужен был живым. И не только мне. Впрочем, пусть бы и застрелили, только бы карманы не продырявили. Меня очень волнует содержимое его карманов. Пуля – дура. Она делает большую дыру. И одна такая дыра способна оставить меня нищим. И потому я сразу сказал «гиббоновскому» майору:

– Возвращаемся быстрее к посту. Здесь ничего нет. Его уже в городе определили.

– Мы там тоже нужны? – со скучным зевком поинтересовался спецназовский капитан.

– У нас в группе захвата ребята вам не уступят, – отомстил я за недавнюю капитуляцию старшего лейтенанта ОМОНа.

– Всякое бывает. Интересно было бы на них взглянуть, – посмеялся спецназовец. – Но это в следующий раз. Когда Бравлинов в одиночку всю вашу группу захвата положит, звони моему командованию. Через коменданта города. Сразу соединят. Тогда нас пошлют.

Он старательно, что называется, «рисовался». Но я рисовку не люблю, хотя предпочел внешне свою реакцию не показать.

– Едем, майор, едем, разворачивайся. Гони, чтоб колеса отлетали.

– Тогда ноги у тебя отлетят, – проворчал майор, но все же поехал достаточно быстро. Особенно когда из садов выбрались и на приличную дорогу выкатили.

У поста ГИБДД мы с лейтенантом Щербаковым сразу пересели в свою машину, даже попрощаться не успели.

– «Мигалку» выставляй и жми, – сказал я водителю и назвал адрес.

– Всегда с удовольствием. – Наш водитель погонять любил, и я это знал.

Обычно переполненный машинами город в такую жару хотел подремать, и потому движение было почти приличным. Разве что чуть-чуть за рамки приличия выходило. Да и прохожих на улицах было меньше обычного. С магнитной «мигалкой», выставленной на крышу, и со звуковым сигналом мы проскочили несколько перекрестков на красный свет. Ехать осталось недалеко.

За два квартала от места работы я приказал водителю:

– Выключай сигнал.

Всех, в том числе и жителей нужного нам дома, предупреждать о своем прибытии, конечно же, было глупо.

* * *

Группа захвата свое дело, естественно, знала – в этом я ни секунды не сомневался. У каждого из этих парней по паре, если не больше, командировок в Чечню в самые горячие там деньки. Они оцепили дом так, чтобы из окон квартиры, в которую предстояло ворваться, их видно не было. Полностью блокировали подъезд и вход в подвал. Пробрались на крышу и сверху заблокировали выход туда из подъезда. Уйти старшему лейтенанту, если это был действительно он, теперь было некуда. Разве что прыгнуть с балкона, но снизу тоже подстраховка стояла.

В подъезд входили без шума. Лифтом тоже не пользовались – нет такого жилого дома в нашем городе, где лифт работает бесшумно. Приготовив оружие, поскольку хорошо представляли, против кого нам предстоит работать, быстро поднимались на пятый этаж десятиэтажного дома. Я шел первым, за мной, не отставая, Слава Щербаков, ему на пятки наступали бойцы группы захвата. Передовую позицию мы со Славой уступили только на лестничной площадке перед дверью. Она, на счастье, оказалась не металлической и открывалась внутрь. Я дал знак рукой – слова никто произносить не решался. Командир группы захвата тоже знаком попросил освободить ему место для разбега, отошел на четыре шага – до двери расположенной напротив квартиры, и с разбега ударил ногой в замок. Дверь с треском вылетела. Группа захвата стре-

нительно ворвалась в квартиру. Мы со Славой переглянулись. Изнутри раздался звук удара, за ним второй, чей-то стон, звук падающего тела и голос командира группы захвата:

– Лежать! Не шевелиться.

Вот и все. Против автоматов никакой спецназ с его хваленной подготовкой выстоять не сможет. Теперь и нам можно войти без опасений.

Я пошел первым, Слава за моей спиной так и не опустил пистолет.

На полу в середине комнаты лежал парень с испуганными глазами и окровавленным лицом. Руки за спиной были уже надежно скованы наручниками. Я присел и в это лицо заглянул. Потом на Славу посмотрел. Слава снял со спинки стула майку с какими-то нерусскими надписями, протянул мне. Я вытер с лица парня кровь.

Еще и лица не разобрав, я уже по глазам понял, что это вовсе не старший лейтенант Бравлинов. Вытер кровь, убедился в этом окончательно. Этот и помоложе лет на пять был – мальчишка, одним словом, и совсем не из тех, кто может сопротивление оказать. И наручники ему ни к чему. Такого словом испугать можно.

– И кто же ты будешь, друг любезный? – спросил я.

– То-олик, – ответил он.

– Испугался?

– Испугался. – Обычно заики от природы с трудом произносят согласные звуки. Этот же гласные произносить не мог, на них языком спотыкался.

– А что ты здесь делаешь, Толик?

– Я квартиру снял. Сего-одня.

– Извини, Толик. Сегодня ты еще будешь жить. – Я выпрямился. – Это не он.

* * *

Оставив группу захвата улаживать отношения с жертвой нашего недоразумения, я, не в самом лучшем настроении, сразу уехал с места несостоявшегося захвата. Я вообще не люблю себя чувствовать неудобно, а там иначе себя почувствовать невозможно. Слишком мы доверились мнению соседки и сразу, не присмотревшись, начали работать на полную раскрутку. С одной стороны, нас можно было обвинить и в поспешности, потому что мы не проверили полученные сведения и группа захвата сразу начала действовать предельно жестко. С другой стороны, это все правильно, и медлить было никак нельзя, потому что, окажись на месте этого То-олика настоящий старший лейтенант Бравлинов, дело при предварительной проверке могло бы обернуться жертвами, да и самого старшего лейтенанта, возможно, не удалось бы захватить живым. Но недоразумение, кажется, имеет возможность завершиться спокойно. Для этого стоит только чуть-чуть постараться. Я просмотрел документы этого парня. Он приехал из Казахстана, с бумагами у него не все в порядке, поскольку квартиру снял и деньги заплатил за год вперед, а миграционное свидетельство не оформил, как полагается. Короче, есть к чему придраться. Если нет, то найдем. Если надумает жаловаться, его прижать мы сможем. Лучше пусть не связывается. Говоря честно, я еще сам не разбирался с этими новыми миграционными законами и не знаю, что и как должно быть сделано. Но о том, как можно законом вертеть – это любой мент знает.

И я погнал машину в управление.

В кабинете меня ждали бумаги из следственного управления прокуратуры, следовало дооформить одно старое и долгое дело, и я хотел было этим заняться, когда мне позвонили на мобильник. Глянув на определитель, я сначала отослал лейтенанта Щербакова:

– Насчет чайку расстарался бы.

Он все понял – молодец, и всегда соображает, когда становится в кабинете персоной нон грата, с видимым удовольствием схватил чайник и понесся в туалет этажом ниже, чтобы

набрать воды. Но это он сейчас помчался, с места. Дальше он пойдет спокойно и воду набирать будет долго – умница парень. Времени на разговор должно было хватить.

– Слушаю тебя, – сказал я в трубку, не проявляя восторга от этого звонка.

– Привет, мент. Как там дела с нашим общим интересом? – густо пробасил Изот.

– Хреново дела с нашим подопечным. – Такое изменение формулировки сразу создавало между нами дистанцию. – Нет его, и не видно следа. Сам видел, что в городе творится, тебя так искать не будут, как его. И ничего.

– А мне говорили, будто в городе где-то его нашли.

Значит, у нас из управления ему кто-то напрямую «стучит». Причем сразу же, как только повод появится.

– Выходит, не нашли, если его там нет, – я не хотел выкладывать подробности оперативной ошибки.

– Пустая «хата»?

– «Хата»-то не пустая. Не тот человек. Пострадал при захвате. Уже получил, наверное, первую помощь. Издержки производства, – чуть-чуть объяснить все же пришлось.

– Вот-вот. Всегда у вас так. Невинные страдают.

У Изота такая манера разговаривать, будто он большой начальник и подчиненного отчитывает. Но я-то ему не подчиненный. Впрочем, в такой обстановке лучше и с Изотом отношения не портить, и зря я ерепенюсь.

– И хрен с ними, с пострадавшими, – зло, но не грубо ответил я. Даже со смешком, чтобы смягчить общее впечатление от своего неважного настроения.

При такой интонации он не должен посчитать, что мое настроение его касается. Любой обязан понимать, что у меня забот хватает и не все из этих забот настроение поднимают.

– Ладно, ты того. Позванивай, – сказал Изот на прощание. – Сам позванивай. Не стесняйся. Я не обижусь. Номерок ты помнишь. Можешь даже на трубку Мамоны звонить, она сейчас у меня лежит. Так тебе, наверное, привычнее.

Это уже было элементом шантажа. Неприятно, когда тебя шантажируют, но приходится терпеть, если так дело повернулось.

– Будет что сказать, я скажу, – это уже совсем без демонстрации настроения.

И я отключился от разговора.

Вообще-то говоря, положение, в которое я попал, чуть-чуть щекотливое. Я раньше не имел дела с Изотом. Изот после Мамоны был вторым человеком в уголовном мире города. Хотя от уголовного мира всячески отрекся, назывался крупным предпринимателем и даже стал недавно депутатом городского законодательного собрания.

Мне он первоначально и позвонил как депутат и пригласил к себе в кабинет. Вполне официально. Не явиться по такому приглашению было трудно. Я знал отношения своего начальства с городским. И понимал, что в случае моего отказа могу выслушать немало нелестных слов в свой адрес. Тем более после побега подследственного из моего кабинета, когда я сам не мог дать вразумительного ответа на произошедшее. И, наверное, полного доверия после побега я тоже у начальства не вызывал. Именно из-за невозможности объяснить ситуацию.

Я не знал, что случилось в кабинете и как произошел побег. То есть знал только с чужих слов, хотя дело именно в моем кабинете происходило.

Старшего лейтенанта Бравлинова доставили ко мне, как и полагается, в наручниках. Выглядел старший лейтенант спокойно, готов был, кажется, к откровенному разговору, и я хотел только разговора, и ничего больше. Я даже бить его на первом допросе не собирался.

В его удивление по поводу задержания, естественно, не поверил. Улика стопроцентная, и на его месте я бы сразу в «сознанку» пошел. В этом случае мы обычно идем даже на то, чтобы дать возможность подследственному написать «явку с повинной».

А ситуация была простой до примитивизма. Кто-то старшего лейтенанта сдал нам телефонным звонком, мы нагрянули на квартиру, нацепили на него наручники, провели обыск. В шкафу под стопкой постельного белья нашли «АПС»¹⁰, из которого был убит Мамона. Естественно, ни одного отпечатка пальцев, все аккуратно протерто. Заключение баллистической экспертизы было однозначным, оружие идентифицировано с пятью пулями, выпущенными в автоматическом режиме стрельбы в спину Мамоне. Акт экспертизы к первому допросу уже лежал на моем столе. Я специально допрос оттягивал, чтобы этот акт получить. С актом на руках можно было поговорить откровенно. Возможно, даже добиться откровенности взаимной...

Но открытого разговора не получилось. Старший лейтенант никак не хотел понять, за что его задержали. И уверял, что с Мамоной никогда знаком не был, раньше не встречался и причин убивать его не имел. А с этим уже я согласиться мог. Убийство было безусловно заказным, и я сразу предложил по возможности «отмазать» старшего лейтенанта, если он назовет мне имя заказчика, кем бы этот заказчик ни был. А потом произошло что-то непонятное. Я просто уснул, и все. А проснулся, когда вокруг меня была суeta. Вернее, проснулся оттого, что кто-то по щекам меня похлопывал не слишком нежно.

Мертвый от такого обращения, надо полагать, тоже проснется.

И только тогда я стал расспрашивать и узнал, что задержанный сбежал. И как он сбежал, тоже узнал. Но понять ничего не мог.

Два конвоира доставили старшего лейтенанта в кабинет. Наши конвоиры, менты, потому что в СИЗО¹¹ его еще не отправляли. По моей просьбе сняли с него наручники и вышли за дверь. Угощать Бравлинова чаем я не стал. Это лишнее, но сам потихоньку глотал из чашки. Чай был еще слишком горячий, чтобы сразу его выпить.

А потом все кончилось. Я не понял, как это произошло. Я не понял даже, как оказался на полу. А об остальном мне рассказали.

Старший лейтенант приоткрыл дверь кабинета и позвал конвойных:

– Эй, парни, с капитаном плохо.

Они не растерялись. Сразу пистолет Бравлинову в грудь и нацепили наручники. Один рядом с задержанным остался, второй надо мной склонился. И опять один не видел, что произошло. Только упал после удара. Но сам момент удара двумя скованными руками помнил, видел удар, но не успел среагировать – отключился.

Второй среагировал на звук упавшего тела. И сам тут же получил удар каблуком в затылок. Шишка потом прощупывалась огромная. Так только каблуком и можно ударить. Хотя верить человеку, от какого удара он упал, – сложно. Главное, что упал. Но дальнейшее походило на сказку. Старший лейтенант Бравлинов нашел ключ, снял наручники, приковал наручниками конвойных к трубе отопления, на счастье, к холодной, и спокойно покинул здание управления, не забыв перед этим «обчистить» меня – снял часы и вытащил кошелек с деньгами. Правда, банковскую пластиковую карточку «Visa» из другого кармана не вытащил. Хорошо, что я карточку не в кошельке ношу, а в кармане. Короче, обчистил меня и ушел. И никто его не остановил. Никто не видел его, даже дежурный, который уверял, что свой пост не покидал ни на минуту. А если и покидал, то оставлял вместо себя помощника.

Меня Бравлинов, насколько я понимаю, не бил. Нет побоев, нет посттравматического синдрома. Отчего я потерял сознание и упал – сам не понимаю, но я упал. Брали на экспертизу чай – никакого снотворного и вообще посторонних примесей. Обыкновенный дерьмовый чай, который в каждом магазине продают, выдавая за высокочеловеческий. Вопрос с моим падением остался открытым, и не виделось возможности для его разрешения, кроме одного – самого

¹⁰ «АПС» – автоматический пистолет Стечкина.

¹¹ СИЗО – следственный изолятор.

старшего лейтенанта Бравлинова спросить. Но для этого его следовало сначала найти, а потом и задержать.

А на следующий день моему начальству уже начали звонить – городское начальство и еще всякие. Кто только не звонил! Начальство начало давить на меня. А потом позвонил Изот и пригласил на встречу.

Я пошел, хотя мне очень не хотелось этого делать. И везде сказано было одно и то же – плевать на Бравлинова, необходимо узнать имя заказчика. Но имя заказчика может назвать опять только сам старший лейтенант. Найти и задержать. Все то же самое...

А мне, скажу честно, плевать и на Бравлинова, и на заказчика. Мне очень хочется мой кошелек вернуть. Очень хочется.

2. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

Усатый и живоглазый Хома выпроводил ментов быстро. И даже приветливости к ним не проявил, хотя майор, который был за рулем «уазика», пытался вызвать хозяина дома на добрый откровенный разговор. Кажется, просто ни о чем, просто на случай, чтобы и потом можно было поговорить, как со старым знакомым. Не получилось...

Появление вместе с ментами капитана Рустаева меня не смутило, хотя заставило насторожиться. Есть возможность подстраховать – капитан страхует. Все правильно даже теоретически. Но страховка нужна только тогда, когда есть опасность – это понимает даже ворона, когда учит вороненка летать и отгоняет от него бродячих собак.

Я стоял недалеко от форточки и слышал весь разговор, хотя говорили они негромко. От окна до калитки четыре метра. Если люди не будут шептать, практически все услышать можно. Хома повел себя вполне ожидаемо. Я подозревал, что он поведет себя именно так, хотя опасения были, что не все может сойти гладко, и даже готов был в случае необходимости стремительно и бесшумно на мансарду подняться, откуда легко покинуть дом через балкон, выходящий на другую сторону. Но человек с психограммой Хома, составленной специалистами, изучившими его поведение за последние двадцать с лишним лет жизни, не может сотрудничать с ментами, не может просто так «сдать» им человека даже при том, что человек этот разыскивается как убийца не кого-то, а известного уголовного авторитета, хорошего знакомого Хома, с которым они когда-то вместе срок отбывали. Вывод был психологам ясен – Хома скорее всего захочет меня «сдать», но не ментам, а другим уголовникам. А может и не захотеть даже этого, потому что сам от криминального мира все последние годы старательно отходил. Ему жена в этом помогала, и он стремился не обмануть ее ожидания. Если дело повернется таким неторопливым образом, мне придется самому обратиться к нему с подобной просьбой. Правда, здесь у наших психологов есть небольшой прокол. Согласно психограмме Хома не должен иметь пистолет. Человек, который старательно уходит от криминального мира, пистолет в подмышечной кобуре не носит не только потому, что сейчас на улицах жарко, а для скрывания кобуры приходится надевать «ветровку». Ему просто нет необходимости носить с собой пистолет. Но я не знаю всех последних обстоятельств личной жизни Хома, хотя с основными этапами его биографии познакомился.

Первый раз Виктор Николаевич Хоменко отправился за решетку за двойное убийство. Самому ему тогда было семнадцать лет, жил он в криминогенном районе на окраине города. Вечером возвращался домой, и трое незнакомых парней избили его, крепкого спортивного парня. Кажется, они были чем-то вооружены, и потому он не смог оказать достойного сопротивления. После этого семнадцатилетний Виктор забежал в свой подъезд, зная, что над дверью в нише лежит большой нож – общее оружие дворовой шпаны. И с этим самым ножом он догнал обидчиков. И рассчитался. Потом даже вину свою не отрицал. Вернувшись на сво-

боду через восемь лет, двадцатипятилетний Виктор женился, был в браке не слишком счастлив и через год убил свою жену вместе с любовником и отправился «отдыхать» уже на четырнадцать лет. Суд учел, что любовник жены был ментом и угрожал Хоменко пистолетом, который Виктор у него отобрал и применил как оружие убийства. Все сроки отбывал по полной программе. Освободился три года назад, когда криминал жил припеваючи, мог бы воспользоваться своим авторитетом и стать банальным рэкетиром или даже, при некотором усилии, значимой фигурой в криминальном мире, но снова женился, обзавелся сыном и все криминальные связи почти прервал. Однако, как я полагал, совсем недавно появились иные обстоятельства, заставившие его взять в руки оружие. И эти обстоятельства могут быть сложными. А он, при своем характере, мог носить с собой оружие только для того, чтобы им воспользоваться, а вовсе не для самоутверждения, как порой случается с некоторыми людьми в нашем обществе, причем довольно часто.

С этим еще предстоит разобраться, чтобы не попасть в непродуманную ситуацию. В моем положении непродуманная ситуация грозит провалом.

* * *

– Посторонних, козлы, ищут, – проворчал Хома, вернувшись в дом и вроде бы ни к кому не обращаясь. Уж мне-то он точно не докладывал, потому что я вопросов не задавал. А сам он не тот человек, который докладывать будет из услужливости. Просто ворчит, и все. – Откуда тут посторонним взяться, если казакишки ряженные только и смотрят, кто им личные участки поливать будет.

При его медленном соображении проявление даже крупницы юмора удивляет, потому что юмор обычно появляется при быстроте мышления.

– Тебя как зовут-то? – спросил я.

– Виктором отец прозвал.

– Я – Сергей.

– Это я знаю. По телевизору сообщали все твои данные.

– Совсем сдурели, – я позволил себе недобро усмехнуться, хотя знал заранее, что все так и будет. – Еще бы биографию в газетах опубликовали. Почему менты сюда заявились?

– А я знаю?

В этом он прав, если бы визитеры ему сообщили, я тоже слышал бы информацию.

Хома в окно, выходящее в сад, посмотрел. До захода солнца еще оставалось больше двух часов. При солнце, да еще таком жарком, поливать насаждения в саду нельзя. Это даже я знаю. Но если Хома что-то делает, то делает он неторопливо, планомерно и основательно – это я уже знал из досье на него. И если он приехал так рано, то работа в саду есть. Только вот я мешаю. Именно так я оценил его взгляд в окно.

– А ты что, – спросил я для поддержания разговора, – садом сам занимаешься? Без жены?

– В школе экзамены скоро. Она у меня в школе работает. Всю весну – сад на мне. Летом – она здесь занимается. Я работаю. Она сама деревенская, ее к земледелию тянет.

Отвечая, он морщил лоб, и нетрудно было заметить по взгляду, что думает он о другом. Я даже догадался, о чем он думает. И как не думать о неожиданном госте, который столько хлопот добавляет. Любой на его месте задумается. Но думать Хома привык подолгу.

– Чай в холодильнике есть. Можешь пользоваться. И пиво есть. Я пойду сорняки подергаю, – сказал Хома со вздохом. – Если отдохнуть хочешь, вздремни. Только в кроссовках на диван не забирайся. Я чистоту уважаю.

Вздых, вероятно, был вызван не только тем, что с его животом дергать с грядок сорняки не слишком удобно, но и тем, что мыслей, как со мной поступить, не появилось, хотя пора бы им себя и обозначить. Если и дальше не появится, я подскажу.

– Работай, я отдохну. Ночь не спал, день не спал. Отдых всем нужен.

– Ну-ну, – согласился Хома, снял ветровку, снял кобуру, рубашку, показав живот во всей красе и обширно татуированные тяжелые плечи, и двинулся к двери. Я бы с таким животом постеснялся загорать даже в пустом дворе за высоким забором, но он, похоже, к своей внешности привык и не слишком этим смущается.

– Пистолет-то возьми, мне он ни к чему, – протянул я его «беретту», предварительно протерев ее полотенцем, чтобы не оставалось моих отпечатков. Полотенце здесь же, на лестнице, что на мансарду вела, висело.

Маленькие глазки-буравчики в удивлении раскрылись шире. В них откровенно возник вопрос и изумление. Но ненадолго. Хома подумал и взял пистолет за ствол. Проверил положение предохранителя и сунул оружие в кобуру. Порядок во всем он, похоже, в самом деле любил. Но кобуру с собой в сад не взял, оставил на моей совести здесь же, в кресле.

– А за что ты Мамону шлепнул? – поинтересовался он вроде бы между делом, совершенно равнодушным голосом. – Заказали?

– Я так похож на профессионального киллера? – улыбнулся я.

Хома ждал другого ответа. И продолжал ждать.

– Не убивал я его, – сказал я. – Меня кто-то подставил. И я имею желание выяснить, кто это сделал, поскольку всю оставшуюся жизнь прятаться не намерен.

– Ну-ну, – изрек Хома и вышел из дома.

Наверное, за пропалыванием грядок ему лучше думается. А подумать ему есть о чем. Возвращение оружия – этот мой поступок поставил хозяина дачи в тупик и совсем смешал его мысли. Хома не понимал моего положения и не знал, как со мной можно поступить. Вернул пистолет – значит, я ему доверяю. А человек в моем положении, в понимании Хома, никому доверять не должен. В дополнение к старым мыслям, новые совсем смешали его решительность, и Хома оставался в недоумении.

Но при этом он и сам мне доверился. Оставил пистолет пусть и в кобуре, но у меня под рукой. Это тоже был жест доброй воли, означающий подписание мира. Как-то ему поступить после этого?

Но решать ему придется. Даже с моей помощью.

* * *

Я разулся, в соответствии с просьбой хозяина дома, и тихо задремал. Отдохнуть мне в самом деле не мешало. И здесь можно было отдыхать спокойно. Но сам я знаю, что в обстановке, приближенной к боевой, при любом постороннем, несущем опасность звуке я проснусь со свежей головой. И даже не обязательно звук должен нести опасность. Любой посторонний звук в моем положении настораживает все органы чувств. Так и произошло.

Хома, при всем своем весе мамонта, ступал тихо. Это я заметил еще раньше. Должно быть, необходимость появилась, когда у него сын родился. Научился ступать так, чтобы ребенка не будить. Сын пока маленький, и необходимость переросла в привычку. Тем не менее, поступь все равно осталась узнаваемой. И я услышал, как он поднимается по крыльцу.

– Нароботался? – спросил я, открывая глаза.

Хома промолчал и прошел к столу. Табуретка под его весом закрипела жалобно и с откровенным испугом. Сам он выглядел более мрачно, чем раньше. Похоже было, что Хома в результате сложного мыслительного процесса пришел все же к какому-то выводу.

Несколько глотков холодного чая прочистили его горло, и хозяин дома задал вопрос:

– Что ты делать собираешься?

Ради такого простого вопроса не стоило долго размышлять. Должно быть, вопрос был только подготовкой к дальнейшему разговору.

– Пока твоими татуировками любуюсь и думаю, где ты их делал?

– Там, – ответил он конкретно и красноречиво.

Настолько красноречиво, что я понял, хотя и без того знал, где он эти татуировки делал.

– «Кто не был, пусть не будет, кто был, тот не забудет». Долго там «отдыхал»?

– Двадцать два года.

Он говорил нормальным человеческим языком, хотя наверняка за двадцать два года научился «по фене ботать» так, что мне, от этого мира далекому, ничего понять было бы невозможно. Некоторые, год срока за плечами имеющие, и несколько блатных фраз выучившие, стремятся везде показать свою биографию речью. Хома не из таких. За это его можно уважать.

– Было время рисованием заняться. И спортом там занимался?

– Штанга и там есть. Я еще до «зоны» начал. В юношескую сборную области входил. И там слегка. На соревнования вот только не выпускали, а так я все мастерские нормативы делал, – он не хвастался, но говорил это с удовольствием, отдавая должное своей физической мощи. – Но ты меня не уводи в сторону. Что-то с тобой решать надо...

– Ты уже решил, – приступил я к делу. – Двадцать два года – срок солидный. Ты не можешь не знать серьезных парней.

– У меня с Мамоной хорошие отношения были. Можно сказать, приятельские.

– Вот видишь.

– Тебя сейчас не только менты, тебя и блатные ищут. Найдут – разбираться не будут.

– А если я их найду?

– Еще кого-то «грохнуть» хочешь?

– Я уже сказал тебе, что я Мамону не знал и не убивал его.

– А пистолет у тебя нашли.

Значит, он имеет информацию более обширную, чем я предполагал. Про пистолет, найденный при обыске, по телевизору и по радио не говорили.

– Трудно пистолет человеку подсунуть? Предполагаю, те же самые менты и подсунули. Тогда ментов и следует трясти. Кто подсунул, знает убийцу.

– А заказчика?..

– А заказчика знает сам убийца. Следовательно, до него и предстоит добираться.

– И как ты думаешь добираться?

– Я думаю, ты мне поможешь.

– Я? – удивился Хома. – У меня своих проблем – куча.

Может быть, он даже не столько удивился, сколько возмутился – заявился какой-то тип на его садовый участок, рад должен быть, что его ментам не сдали, а он начинает еще всерьез «загружать» своими проблемами.

– Конечно. Мамона твоим приятелем был. И знакомцев у тебя из окружения Мамоны полно. Общаешься, наверное, время от времени. – Я кивнул на кобуру с пистолетом, прикрывшую курткой-ветровкой, как на соответствующее доказательство. – Что тебе стоит позвонить кому-то авторитетному, вдумчивому, не торопыге, и сообщить, что я вышел на контакт. Слу чайно, но вышел. И изъявляю желание к совместному действию...

Хома, вопреки своим привычкам, в этот раз думал недолго.

– А я могу, – в его ответе прогудело неожиданное довольство, из которого я сделал вывод, что он сам собирался позвонить туда же, куда я и просил его позвонить, но все же совесть, которую он, насколько я понимал эту натуру, не потерял, сдерживала порыв, потому что это слишком походило бы на предательство пусть и незнакомого человека. По большому счету, я все же всем своим видом показывал, что доверился Хоме. Иначе нельзя было понять возвращение ему пистолета. И именно это делало бы такой звонок предательством. Хотя, с другой стороны, тоже предательством казалось укрывание убийцы своего приятеля. И такой конфликт двух понятий не давал Хоме спокойно пропалывать грядки. – Я только подумую, к кому

лучше обратиться, чтоб сразу не «покрошили». Я подумаю, – добавил он и почти в радостном расположении духа отправился на работу в огород. И только на пороге обернулся, посмотрел на меня внимательно, и теперь уже его маленькие глазки-буравчики не казались лишенными мысли. Он явно хотел что-то сказать, но передумал и вышел.

* * *

Трудовое вдохновение посетило Хома вместе с удачным решением проблемы, которая вызывала у него головную боль. Он усердно пропалывал грядку за грядкой, и не просто работал каким-то садовым инструментом, а пальцами выдергивал каждую сорную травинку, пальцами же разминал и рыхлил землю под цветами и вокруг высаженной клубники. Потом перебрался в теплицы, крытые целлофаном поверх арочных перекрытий. Я еще раньше, утром, когда осматривал весь участок на случай непредвиденных обстоятельств, видел, что в одной высажены огурцы и кабачки, в другой помидоры разных сортов, о чем говорил различный рост кустов.

Я ждать своей участи у окна устал и вышел ждать ее во двор, чтобы одновременно напомнить о своем существовании и о проблемах, которые мне предстоит решить.

Тень от яблонь уже закрыла грядки, Хома выпрямился и довольно посмотрел на меня. Он, кажется, работой увлекся, и даже живот не мешал ему наслаждаться плодами своего труда.

– Что, звонить будем? – Мое предложение прозвучало естественно. Как оно может прозвучать неестественно из уст человека, для которого это буквально вопрос жизни и смерти?.. Не может никак. И никакой внешней торопливости я не проявил.

– Подожди. Мне еще полить все надо...

Поливал он не из шланга, хотя шланг висел на стене сарая, а из лейки, аккуратно, не на листья, а под стебель, каждое растение отдельно, со старанием. Я вздохнул и на скамейку прилег, где было прохладнее, чем в доме, но на часы перед этим все же посмотрел. Сад небольшой. По моим подсчетам выходило, что на поливку Хома потратил не меньше сорока минут. Можно еще отдохнуть, поскольку ночь, видимо, предстоит беспокойная. Скамейка кустами окружена, если появятся соседи, из-за кустов не заметят, а я всегда успею спрятаться. Уж что-что, а прятаться я умею.

Он поливал почти полтора часа. И только после этого ко мне подошел.

– Ты представляешь, у людей сорняков – море. А у нас только изредка чуть-чуть. А почему? А потому что мы с женой всю землю своими руками перебрали, каждый корешок вытаскивали, каждый отросток. Вот это была работа.

– Представляю, – соврал я, хотя в действительности представить такого не мог за неимением личного опыта.

– Ну, дык что, пойдем звонить, что ли?

– Пойдем, – я с готовностью согласился.

* * *

Предварительно, прежде чем приступить к выполнению задания, я, конечно же, ознакомился с полным раскладом сил не только в городском, но и в областном криминальном мире, чтобы иметь представление, против кого предстоит работать. Причем расклад мне предложили не только по влиянию, но и по специализации. Естественно, терять время на изучение биографии шумливой и бестолковой шпаны, всегда говорящей о своей крутизне больше, чем это соответствует действительности, я не стал. Тот, кто мог похитить с военных складов боеприпасы объемного взрыва, просто физически не может быть из тех, кто много болтает, поскольку с болтунами никто из серьезных партнеров связываться не будет. А такими боеприпасами могли заинтересоваться только серьезные партнеры. И по всем расчетам аналитиков, занятых в опе-

рации, и моим лично, выходило, что обратиться с предложением сотрудничества можно только к одному человеку. Естественно, что и Хома, лучше моего знающий расклад сил, тоже знал его.

Таким образом, я заочно был знаком с человеком, которому Хома начал звонить. Он звонил трижды и везде спрашивал, как ему поговорить с Олегом Юрьевичем, подтверждая мои предположения. Ему везде давали другой номер, и Хома показывал, что обладает хорошей памятью, номер не записывая, но переспрашивая, повторяя вслух и с ходу набирая. Повторение номеров произносилось словно бы для меня. И я, естественно, запоминал их. По последнему номеру спросили, кто желает поговорить с Олегом Юрьевичем, Хома представился, и его быстро соединили.

– До тебя добраться труднее, чем до президента России, – сказал Хома недовольно. – Нет, не добирался еще, но представляю. Здравствуй. Помаленьку. Выживаю, как могу. По делу, конечно. С тобой один человек побеседовать хочет. Нет-нет. Мы случайно сегодня столкнулись. Ты сам с ним поговорить пожелаешь. Точно тебе говорю. Передаю трубку.

Хома вздохнул, видимо, считая оплаченные минуты разговора, и передал трубку мне. Я решил на всякий случай его поддержать. Да и поломать комедию перед самым Хомой следовало. И потому я начал разговор с ограничения:

– Старший лейтенант Бравлинов, спецназ ГРУ, – сразу представился я. – Если у вас есть желание со мной встретиться и побеседовать, то сами сейчас наберите номер, с которого мы вам позвонили. Здесь на трубке деньги кончаются. А входящие звонки бесплатные.

– Я сейчас перезвоню, – серьезно ответил Олег Юрьевич, и тон его обещания не вызвал сомнений.

Я нажал кнопку отбоя и поймал почти благодарный взгляд Хомы. Он по достоинству оценил мою щепетильность и бережливость.

– Кто он такой? – спросил я.

– Авторитетный человек, депутат областной думы. Или городской. Короче, какой-то депутат. Три «ходки». После Мамоны остался единственным парнем такого уровня в городе. Тут один пытался себя «законником» объявить. Его быстро на место поставили. Изот вместе с Мамоной и поставили. Через московских «воров». Олег Юрьевич то есть. Ты сам его Изотом не зови, он любит, чтобы посторонние с ним официально обращались.

Звонок раздался. Я, естественно, и не собирался звать незнакомого мне человека Изотом, я вообще не люблю клички, хотя признаю оперативные псевдонимы. Для меня в данном деле даже «Хома» – это оперативный псевдоним. И потому я, глянув на определитель, сразу сказал:

– Добрый вечер, Олег Юрьевич. Я понимаю, что у вас должны возникнуть ко мне вопросы, и готов на них ответить при очной встрече. Есть у вас вопросы?

– Есть у меня к вам немало вопросов, – с легкой угрозой в голосе сказал Олег Юрьевич. – И ответить вам придется сполна.

Если бы кошка умела говорить, она бы разговаривала с мышкой именно таким тоном перед тем, как совершить прыжок. Разве что удивления должно было бы быть меньше. Изот пока еще не пришел в себя от наглости человека, позвонившего ему, человека, которого он разыскивает всеми доступными ему способами. Значит, его следовало вернуть в русло нормального конструктивного разговора.

– Я хотел бы встретиться и побеседовать наедине.

– Я бы тоже очень хотел с тобой встретиться, – он перешел на «ты».

– Но встреча наша состоится только в том случае, если ты придешь на нее один и без дурных, как говорится, мыслей, – я ответил тем же.

– Что, я на очереди после Мамоны?

– Не убивал я Мамону. Это подстава, и мне надо найти того, кто убил. Иначе мне не выкрутиться. И сделать это я смогу только с твоей помощью. Или ты слишком пугливый, чтобы встретиться наедине?

Из характеристики на него я знал, что Изот в этой жизни побаивается только свою престарелую маму. Больше никто не может навести на него страх. И специально подзадоривал.

Олег Юрьевич некоторое время думал.

Потом ответил не совсем уверенно:

– Значит, говоришь, не убивал. Вполне может быть, что дело так и обстоит. У Мамоны конфликтов было много. Только кому нужно было на тебя сваливать?

– И это я тоже должен узнать. У меня в вашем городе не слишком большой круг контактов. Но это я узнаю и без тебя. А навел на меня не обязательно тот, кто убил Мамону. Наводчик мог просто дать информацию.

– Что ты в городе делал?

– Я должен обсуждать это по телефону?

– Ладно, я согласен на встречу.

Я вместе с трубкой сел за стол. Там, под столешницей, я закрепил «жучок». Страховке следует знать, где встреча будет происходить.

– Давай сделаем так, – я посмотрел на часы. – Через три часа подъезжай к памятнику около детского парка со стороны улицы Красной. Остановись через дорогу. Ты сам за рулем будешь?

– Могу быть и сам, – ответил Олег Юрьевич.

– Можешь с водителем приехать. Только попроси водителя погулять. Я сяду к тебе в машину. Больше в машине никого быть не должно. Я предварительно проверю машину.

– Ты будешь с оружием?

– У меня нет оружия.

– Подойди к водителю, водитель проверит тебя. Потом садись в машину. Ровно через три часа. Я подъеду.

Он отключился от разговора. Я посмотрел на Хому. Глаза толстяка светились подозрением.

– Что? – спросил я. – Есть вопросы?

– У тебя что, в КПЗ¹² и часы не отобрали? – Он, похоже, часы только что увидел.

– В КПЗ я не был. Меня держали в «обезьяннике». Часы отобрали. Но я позаимствовал другие у мента, который меня допрашивал. Вместе с кошельком. Правда, денег там было маловато, но мне, чтобы как-то по городу передвигаться, деньги были необходимы. Не пешком же ходить.

Хома удовлетворенно кивнул. Маленькая деталь – наличие часов на руке могла бы провалить все дело, если бы не была продумана заранее.

¹² КПЗ – камера предварительного заключения.

ГЛАВА 3

1. КАПИТАН ВЕНИАМИН РУСТАЕВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

Конечно, трудно работать, когда голова другим занята. И я понимаю, почему «первым номером» в операции поставили не меня, обладающего опытом работы в сложных условиях, имеющих аналогию с нынешней операцией, а новичка – старшего лейтенанта Сережу Бравлинова. У него голова чистая, не обременена моими заботами. Хотя, с другой стороны, когда операция планировалась и разворачивалась, еще никто не знал, что мои семейные дела настолько осложнятся. Сначала готовили вообще троих. Потом решили, что лейтенант Зайцев пока недоотягивает до уровня. Я шел первым номером, Бравлинов вторым. И в последний момент поставили его. Я думаю, не из-за лучшей подготовки, хотя подготовка у него превосходная, а только из-за моих занимающих голову забот...

Мы так и продолжали дежурство на посту ГИБДД вместе с омовцами. Ближе к вечеру я позвонил по номеру, который мне днем дали, когда медсестра звонила. В ординаторской, как я понимаю, и после работы должен кто-то находиться. По крайней мере, у нас в гарнизонном госпитале обычно так бывает. Мне опять ответила медсестра, только другая, и пообещала позвать дежурного врача. Тот подошел через пару минут.

– Извините, вы не подскажете, как дела у Ольги Рустаевой, – поинтересовался я. – Мне днем говорили, что состояние нестабильное.

– А кто спрашивает? – задал врач встречный вопрос, и вопрос мне сразу не понравился. Так обычно спрашивают, когда хотят сообщить тяжелую весть. С другой стороны, если бы что-то случилось, мне уже сообщили бы из бригады. Командир у нас слово всегда держит.

– Муж.

– Вам говорили, что состояние нестабильное. Я скажу, что стабильное, но – стабильно тяжелое. Мы ожидаем кризиса. Если организм сможет справиться с кризисом, она будет жить. Если не сможет, нам останется только развести руками – значит, ничего сделать было нельзя.

В голосе врача сочувствия не слышалось. Впрочем, в голосе врачей сочувствие вообще приходится слышать редко. Если врач будет сочувствовать каждому больному, то у него у самого здоровья не хватит всех лечить. Точно так же, как священнику, который исповеди принимает. Если он будет с пониманием относиться к каждому греху каждого отдельно взятого грешника, то сам с ума сойдет. Правда, слышал я, что только тот священник бывает священником хорошим, который умеет чужие грехи воспринимать, как свои. Наверное, то же самое можно и о врачах сказать. Но мне больше не понравилось в голосе не отсутствие сочувствия, а какое-то едва уловимое любование собой и своим положением чуть ли не вершителя судьбы. Впрочем, может быть, это мне показалось...

– К вам из бригады должны были приехать.

Городок наш не велик, и каждый житель знает, что такое бригада.

– Да, машина дежурит у подъезда. Мы ее используем.

– Когда вы ожидаете кризис? – спросил я.

– А он не спрашивает, когда прийти. Когда придет, тогда и придет.

– А когда позвонить можно?

– Зачем? – прозвучал глупый вопрос.

– Узнать о состоянии.

– Звоните утром. Если что-то случится, вам сообщат. Тут, вижу, под стеклом есть ваш номер. Вениамин Владимирович?

– Да.

– Вам позвонят. Лучше бы вам самому сюда приехать. Я в курсе, что вы в другом городе. Тем более надо приехать. Даже если случится чудо и все обойдется, вам придется долго за женой ухаживать, потому что для нее любые нагрузки будут убийственны. И за ребенком уход нужен. Особенно в первое время.

На это мне ответить нечего было, но фраза «даже если случится чудо» сильно ударила по голове. Но я видел в своей жизни чудеса, и Оля человек, к чудесам способный. Я не поверил, что все так плохо.

* * *

Разговор с врачом настроения мне, естественно, не поднял. Вторично звонить командиру бригады я не стал, но комбату позвонил.

– Товарищ подполковник, здравия желаю, извините, что поздно.

– Нормально, Вениамин. Я сейчас за рулем, поэтому буду краток. В больнице дежурит еще и наш врач. Комбриг звонил в Москву, там подыскивают кардиолога, чтобы давал консультации по телефону. Возможно, мы обеспечим прямую связь через компьютер. В Москве полковник Мочиллов сам этим делом занимается, старается обеспечить твоё спокойствие на время работы. Извини, сейчас снять тебя с операции невозможно. Но, не приведи бог, что случится, снимем сразу. Подмену мы держим наготове. Чтобы хотя бы частично тебя заменить. Если дело пойдет на поправку, тебя заменим, как только Ольгу выписывать будут. Мы все держим под контролем, не волнуйся. Работай спокойно.

Комбат у нас по натуре человек грубоватый и малочувствительный, но ситуацию даже он понимает. На него можно положиться. Конечно, подмену они могут подготовить нормальную, однако самая нормальная подмена подменить меня будет сразу не в состоянии. Мое положение осложнялось тем, что я возглавлял группу прикрытия старшего лейтенанта Бравлинова и был в курсе всех запланированных мероприятий. Все остальные в группе прикрытия были в курсе только конкретных задач. Разве что Медвежий Заяц знал больше других, но не поставишь же командовать прикрытием лейтенанта, когда в прикрытии работают четыре капитана, четыре старших лейтенанта и только два старших прапорщика, а лейтенант у нас один на всех.

* * *

Я вернулся в машину с «прослушкой».

– Как дела? – спокойно спросил лейтенант Миша Зайцев. Я видел, что он своим спокойствием старался меня успокоить. У него у самого жена родила дочку Лизу три месяца назад. И Медвежьему Зайцу тоже лучше бы дома сейчас оказаться, чтобы жене помогать. Но мы сами себе выбирали род занятий и род войск. И знали, на что идем, знали, что наша служба не учебная. И жены наши знали, за кого замуж выходят. А у Сережи Бравлинова вообще жена в нашей системе служит. Связистка, но это дела не меняет...

– Пока без изменений. Состояние стабильно тяжелое. Ждут кризиса. А там уже как бог положит. Ладно, у вас что нового? Хома работу закончил?

– Они уже позвонили Изоту и договорились о встрече.

Выходит, я, пока интересовался состоянием жены, пропустил одно из главных событий сегодняшнего вечера. Вернее, подготовку к главному событию. Главное событие, естественно, – сама встреча. Тем не менее и это тоже неприятно. И лишнее подтверждение правильности выбора основного действующего лица операции. Плохо то, что это заметно со стороны и даже поощряется подчиненными. Лейтенант Зайцев не у меня должен был спрашивать, как дела обстоят в больнице, а докладывать, что произошла договоренность о встрече. Я понимаю, что все мы люди, в том числе и я. Но в работе мы должны забывать об этом.

– Место плановое? – Конечно же, я чувствовал себя неприятно после того, как прозевал такое важное событие.

– Да. Как и планировали. Через дорогу от памятника.

– Изот не сомневался?

– Был момент, я думал, он побоится, – прокомментировал лейтенант.

На этот случай вся группа страховки была посажена «на колеса» и должна была бы проверить иное место встречи.

– Тогда едем. Передай вызов остальным.

– Уже передал. Они заступают на дежурство. На связь выходят по мере прибытия на место. Первые уже выехали.

Значит, и без меня обходятся. Стараются все сделать сразу и правильно, чтобы меня не сильно загружать. А сам принцип такого отношения к командиру группы поддержки неправильный, хотя и вполне человеческий. Но сделать выговор за старание и участие язык не поверчивался, хотя по большому счету сделать его следовало бы. Но сначала следовало сделать его себе.

Двигатель нашей «Волги» заурчал. Я сел на переднее сиденье и сделал прощальный жест «гиббоновскому» майору. Тот в ответ тоже рукой помахал. Мы уже давно поняли, что совместное дежурство плодов не дает, и обсудили это. И потому сейчас машины проверяли только парни из дорожной службы. Им тоже, похоже, наше присутствие стеснение доставляет. Дежурить просто с ОМОНОм проще и привычнее, потому что, кроме мента, кто еще мента поймет.

* * *

– Гиссар, я – Таганрог, – доложил капитан Толя Словакин. – Слышишь меня?

– Таганрог, я – Гиссар, – сразу отозвался Медвежий Заяц. – Слышу нормально. Движемся к месту. Ты сам где?

– Прибыл. Машину ставлю в стороне. Приступаю к осмотру.

Я взял у лейтенанта микрофон.

– Анатолий, сейчас только-только темнеть начинает. Подожди, когда сумерки чуть-чуть сгустятся. Мало ли где у них может быть наблюдатель. Они все же местные. Нельзя исключить вариант, что кто-то есть в ближайшем доме.

– Вениамин, моя зона совершенно нежилая. Здесь с одной стороны школа, с другой – учреждение. Я могу сразу начинать.

– Добро. Действуй осторожно. Не засветись.

Предупреждение о засветке, скорее всего, лишняя предосторожность. Как менты, так и уголовники считают Сережу Бравлинова одиночкой. И потому не ждут для него поддержки со стороны, хотя могут ждать неприятностей от него самого и на этот случай подстраховаться. Нам же необходимо блокировать эту подстраховку Изота и в свою очередь подстраховать старшего лейтенанта.

– Гиссар, я – Кашира, – вступил в разговор старший лейтенант Валера Каширин. – Я тоже прибыл. Мой участок со стороны парка. Со стороны тоже увидеть меня невозможно. Там густые кусты. Сирень цветет.

– Кашира, я – Гиссар. Особо тщательная проверка. В кустах кто-то и залечь может.

– Работаю. Рядом со мной участок «Енисея». Там кусты еще гуще. Его не вижу.

– Гиссар, Кашира, я – Енисей, уже подъезжаю. Стою на перекрестке перед поворотом. Все, светофор горит. Через две минуты поставлю машину и буду на месте, – подал голос капитан Древлянко.

Ребята работают, естественно, в гражданской одежде. Это нам и еще паре человек, тоже занятых вместе с «гиббонами» на посту с другой стороны города, пришлось в форме выезжать.

Потому мы пока к месту основного действия и не приближаемся. Будем страховать ближайшие подъезды на случай появления подмоги.

– Гиссар, я – Лохматый, – доложил старший прапорщик Топорков, и мне сразу представилась его всегда розовая лысина, но позывной себе он выбирал лично и упрекать здесь некого. – Я на месте. Мой участок со стороны жилого дома. Там со двора два выхода к месту. Я просто машину во дворе поставлю. Из машины все видно.

– Я – Гиссар. Действуй, Лохматый.

* * *

Мы просчитали предстоящие действия правильно. Изот, несмотря на свою рекламируемую смелость, оказался не так прост и на свидание с глазу на глаз не решился. Подстраховку он выставил, и эта подстраховка появилась за полчаса до времени встречи. Причем страховали одновременно с нескольких сторон попарно. По идее, все правильно. Изот не знал, что представляет собой старший лейтенант Бравлинов, и имел полное основание подозревать его в убийстве Мамоны. Если начался отстрел уголовных авторитетов, то вполне вероятным было допустить, что одним лицом все дело не закончится. И Изот не захотел выглядеть дураком, подставляющим себя под пулю. Отсюда и подстраховка.

Главная задача нашей страховки состояла в том, чтобы не подпустить близко парней Изота. Еще неизвестно, как пойдет разговор. Он может и не заладиться. Тогда Изот наверняка даст какой-то сигнал своим. Бравлинов, как и было предусмотрено планом, на встречу пойдет без оружия. И в этом случае придется прерывать операцию и выводить из нее Сережу уже через подачу известных военной разведке данных на криминальные группировки Казахстана, замешанные в убийстве. У них даже пистолет похитили, из которого расстреляли Мамону. Только после этого старший лейтенант Бравлинов сможет вернуться к нормальной жизни. Передача данных планом предусмотрена, но проходить это должно не сразу, а постепенно, по крупице, как данные, переданные Изоту самим Бравлиновым. Но для этого необходима такая малость, как удачно проведенный разговор. Разговор этот многократно репетировался с разными людьми, в том числе и со мной, и с Зайцевым, потому что у каждого человека мысли движутся по собственным извилинам, а извилины эти у всех разные, как отпечатки пальцев.

При этом, когда разрабатывали план, мы учитывали, что люди Мамоны и люди Изота, хотя и дружественны друг другу, вовсе не составляют одну единую группировку. И тесный контакт со старшим лейтенантом, если он станет известным парням Мамоны, можно будет истолковать и так, что Мамону убили по заказу Изота. И без того уже шли разговоры об этом. И именно эти подозрения являются основой давления на следствие, которое Изот стремился оказать как депутат городской думы. И не только как депутат, но и как человек, тесно повязанный с городским и областным руководством во многих сферах деятельности, имеющий приятельские отношения со многими большими чинами в городском и областном управлении МВД и даже среди офицеров ФСБ. Это усложняло задачу Сережи. Старт травле на него дан, дал его Изот, но сам Изот не сможет одним словом или подсказкой остановить начавшийся процесс. И даже побоится сделать это открыто, чтобы не утвердить подозрения против себя.

До момента встречи оставалось полчаса.

– Я – Гиссар. Всем! Внимание! – дал я стандартное задание. – Контролировать передвижение всего прикрытия Изота. Выбрать такие места наблюдения, откуда возможно пресечь любую попытку поддержки со стороны прикрытия. В случае обострения ситуации действовать предельно жестко.

Наша машина остановилась чуть в стороне. «Прослушка» сейчас была не нужна, но все же я оставил на координации действий Медвежьего Зайца и для подстраховки, если придется

останавливать прибывающую помощь, двух старших прапорщиков с ним. А сам решил понаблюдать за моментом встречи.

– Кашира, Енисей, я – Гиссар. Выдвигаюсь к вам.

Чтобы не попасть в поле зрения людей из страховки Изота, мне пришлось сделать крюк через парк и подойти с противоположной стороны. На это ушло почти пятнадцать минут. Когда капитан Древлянко просигналил мне из кустов рукой, я свернул в его сторону и вскоре оказался около полутораметровой ограды парка. Преодолеть такую в случае необходимости можно без труда. И едва я занял место рядом с капитаном, как на дороге остановилась «Тойота Ленд Крузер» Изота. Под светом фонарей я узнал номер.

Сережа раньше времени приехать не должен был никак. Хотя он и понимает, что мы места зайдем загодя, чтобы иметь возможность поинтересоваться, у кого, грубо говоря, билеты куплены на тот же самый сеанс, тем не менее понимает и другое – что мы ориентируемся на точное время его прибытия и можем не успеть выполнить все мероприятия, какие найдем необходимым выполнить. А какого рода эти мероприятия, он может догадаться.

– Я – Гиссар. Все на месте?

– Я – Таганрог. Устроился на крыше ведомственного гаража. Меня заметить можно только из административного корпуса. Корпус под охранной сигнализацией, значит, сторожа там нет. Гараж тоже под сигнализацией, поэтому плясать здесь не буду.

– Я – Кашира, на месте.

– Я – Лохматый. Сажу в машине. Выходил только колеса попинать. Вижу двух оппонентов. Тоже в машине сидят. На меня внимания не обращают. Не видят просто. Я выходил до их прибытия.

– Все нормально. Ждем старшего лейтенанта. Я с Енисеем. Гиссар-2, что у тебя?

– Тишина, – отозвался Медвежий Заяц.

– Все. Ждем.

Так и получилось, как я ожидал. С той только разницей, что Сережа не приехал, а пришел. В город, мимо поста ГИБДД, как и предполагалось, его должен был провезти Хома. Но самому Хоме, естественно, не слишком хочется показывать свои тесные отношения с Бравлиновым, тем более что они и не могут быть слишком тесными. Он уже свое дело сделал, свел старшего лейтенанта с Изотом. И не знает, как развернутся события после этой встречи. Поэтому не пожелал показываться Изоту на глаза и тем более не пожелал демонстрировать свое дальнейшее участие в деле. И потому высадил Сережу Бравлинова, видимо, немного не доезжая места встречи.

Старший лейтенант шел уверенно, как человек, знающий, куда он идет. И на часы посмотрел, прежде чем пересечь газон и подойти к машине. Из машины водитель вышел, по сторонам посмотрел. По улице только парень с девушкой шли, но достаточно далеко. Они водителя не смутили, и он «прохлопал» Сережу по тем местам, куда можно пистолет спрятать. В принципе его спрятать было можно только на пояс под майку или под штанину джинсов – одет старший лейтенант Бравлинов был легко. Ни водителю, ни самому Изоту невдомек было, что Бравлинов сам по себе – человек-оружие, и не просто потому, что мастерски владеет приемами рукопашного боя. Есть у него и другая сильная персональная боевая черта, которая уже помогла ему удачно уйти из-под ареста. Но чтобы этим оружием пользоваться, надо иметь соответствующие моменту условия. Сейчас этих условий создано не было.

Конечно, первоначально обсуждалась мысль о желательности прослушивания предстоящего разговора. И существуют прослушивающие устройства, которые возможно установить на тело человека. Однако при обсуждении сам старший лейтенант предположил вероятность не только поверхностного обыска, но и обыска с помощью электронного сканера, который определит нахождение «жучка» даже в каблуке. То есть он предвидел, что такое может произойти, и отказался от этого варианта. Как оказалось, Агент 2007 был наполовину прав. Если бы сейчас

нашли «прослушку», операция сорвалась бы. Но сканера не было, и возможность установить миниатюрный «жучок» близкого радиуса действия была упущена...

Водитель повернулся к заднему сиденью машины. Стекло приотпустилось. Должно быть, прозвучала какая-то команда, отсылающая водителя погулять.

Старший лейтенант Бравлинов, не глядя на водителя, забрался на заднее сиденье.

– Гиссар, я – Кашира. Моя парочка вплотную к забору сдвигается.

– Я – Лохматый. Моя парочка вышла из машины. У них есть связь. Переговариваются с кем-то. Идет координация действий.

– Веня, – прошептал за спиной капитан Древлянок.

Я обернулся, Енисей показывал в сторону. Где-то метрах в пяти слышались шаги. Особо никто не прятался, потому что никто не подозревал о нашем присутствии. К забору сдвигались тоже двое.

– Я – Гиссар, – сказал я шепотом. – Всем быть готовыми к блокировке.

2. СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ СЕРГЕЙ БРАВЛИНОВ, СПЕЦНАЗ ГРУ

Олег Юрьевич Изотов выглядел гораздо моложе, чем ему следовало бы выглядеть в соответствии с паспортными данными. Должно быть, сухощавость фигуры и лица позволили ему хорошо сохраниться, хотя обычно к шестидесяти годам люди хотя бы брыльцами на лице обзаводятся. Я рассмотрел его быстро еще до того, как сел в машину – при открытой дверце под потолком зажигается фонарь и достаточно освещает лицо. И постарался дверцу не закрывать как можно дольше. Подозрение у меня появилось, и оно совпадало с одним из вариантов подсчета ситуации. А когда я уже в машине оказался, сразу понял, что мне подсунули просто слегка похожего человека, воспользовавшись тем, что я никогда не видел вживую самого Олега Юрьевича. Я слышал голос по телефону. Конечно, любая трубка, а особенно трубка мобильного, где любит эхо гулять, голос искажает, но неизменными при этом остаются нотки, создаваемые не горловыми связками, а характером. Сейчас этих ноток не чувствовалось. Вернее, чувствовались другие. Но вместе с тем в человека, что дожидался меня на заднем сиденье «Тойоты Ленд Крузер 100», стоило всмотреться, потому что он явно не был проходной фигурой – проходную фигуру не пошлют выяснять намерения подозреваемого в заказном убийстве. В машине было темно, и я не мог, к сожалению, рассмотреть руки подставного хозяина машины. На пальцах правой руки Олега Юрьевича было вытатуировано «Изот». Это было бы «визитной карточкой», но из-за темноты «визитная карточка» оказалась недоступной. Но я и без того почти не сомневался в подмене...

– И что ты хочешь рассказать мне в доказательство своей невиновности? – сразу спросил человек сурово, властно, но без той пренебрежительности к собеседнику, которую настоящий Изот сразу продемонстрировал во время нашей короткой телефонной беседы.

Нет, не пошлют простого человека для выяснения таких подробностей. А не простого человека будет просто жалко подставлять, если Изот опасается, что и на него я желаю поохотиться, как, он думает, я охотился на Мамону. И сам умный человек не пойдет на самоубийство, зная, как опасно встречаться с офицером спецназа ГРУ.

Мне бы сейчас в глаза посмотреть. Только на минуту бы в глаза посмотреть. И я все сумел бы понять. Он бы сам мне все рассказал. Но слишком темно в машине – этого момента мы не просчитали.

Простого человека не пошлют. Тогда кого пошлют? Пошлют человека, который сумеет постоять за себя и, кроме того, сумеет выяснить намерения собеседника. Сильного и умного. И, несомненно, храброго. В голове закрутилось досье, предоставленное мне во время подготовки, и сразу всплыла фамилия начальника охраны в фирме Изотова. Все просто. Эта фамилия и

не могла пройти мимо, не оставшись в памяти, хотя бы потому, что ее обладатель – подполковник спецназа ГРУ в отставке. И так, передо мной коллега – Владимир Викторович Сапожников, ветеран войны в Афгане, награжденный многими орденами и медалями, занимавший перед выходом на пенсию должность заместителя командира бригады по физической подготовке. Этот человек, несомненно, сумеет за себя постоять. Но он не знает того, что знаю я. Он не знает, что в данном случае против отставного подполковника спецназа ГРУ выступает не частное лицо, пусть и называемое старшим лейтенантом спецназа ГРУ Сергеем Алексеевичем Бравлиновым, а само Главное разведывательное управление Генерального штаба. В противном случае он не стал бы связываться. Не побоялся бы, но не стал, потому что не хуже меня знает, что такое ГРУ. То есть, наверное, гораздо лучше знает.

Но голос его выдал. Голос сразу показал, что я не с Олегом Юрьевичем разговариваю.

– Есть такое понятие, как презумпция невиновности. Подозреваемый не обязан доказывать свою невиновность. Дело следствия доказать его вину.

– Я знаю, что такое презумпция невиновности. Только к тебе это отношения не имеет. Против тебя есть пусть и косвенная, но стопроцентная улика – пистолет, из которого застрелили Мамону. И с такой уликой, старлей, ты уже к закону апеллировать не можешь.

Это, несомненно, было сказано старшим офицером. «Старлей» прозвучало очень характерно. И вообще, все интонации были именно такими – подполковник разговаривал со старшим лейтенантом. Но если с настоящим подполковником я разговаривал бы на «вы», то с «подставным Изотом» я имел право на «ты» разговаривать. Я даже обязан был так разговаривать, потому что начал это раньше, по телефону.

– А ты представь себе такую ситуацию. Идет обыск. Как полагается, понятых пригласили. Мент закрывает от всех спиной шкаф и роется там. И вытаскивает пистолет. Вытаскивает, и только тогда всем показывает. В самом конце обыска. Остальное они за пять минут осмотрели. А пистолет нашли, и больше ничем заниматься не желали. Решили сразу, что больше искать нечего.

– Дело так было? – спросил «подставной Изот».

– Дело так было.

– А понятые кто? Соседи?

– Нет. С улицы привели. На бомжей похожи. В протоколе должны быть данные. Помню, записывали. Не бомжи, потому что адреса назвали. Но – похожи.

– Это вполне в ментовском духе, – в голосе «подставного Изота» послышались нотки сочувствия. – Так зачем, старлей, я тебе понадобился?

– Я уже сказал по телефону. Без твоей помощи я не смогу найти тех, кто убил Мамону. А если я их не найду, убийство повесят на меня. Не могу же я всю оставшуюся жизнь прятаться. Мне необходимо найти убийцу. Если его самого уже «убрали», я должен найти заказчиков.

– Это можно понять. Я даже стараюсь это понять. Но почему ты обратился именно ко мне? Я уже достаточно далеко ушел от всего блатного мира. С молодости.

– Я не знал, к кому обратиться. Тебя Виктор выбрал.

– Кто такой Виктор?

– Я не знаю фамилию. Он просто Виктором представился. Который тебе позвонил.

– Хома. Пузатый?

– Да.

– Понятно. А ты давно его знаешь?

– Я его не знаю. Он на участок к себе приехал, в сад. А я там отдыхал.

– Так и познакомились, стало быть. И ты к нему с просьбой обратился.

– Менты приезжали. Он не сдал.

– Он знал?

– Меня, говорят, как кинозвезду, по телевизору показывают.

– И что? И после ментов ты решил, что Хома имеет связи?

– Он не мог не иметь связи. Весь татуированный – это прошлое. Не мент, это сразу было видно. «Беретта» под мышкой – это настоящее. Настоящее достаточно крутое.

– Извини за подробности, тебя не касающиеся. Хома сам не пытался тебя «повязать»?

Я не понял, зачем отставному подполковнику понадобились такие подробности. Тем не менее ответил:

– Не пытался. После того, как я отобрал у него «беретту».

– Я представляю ситуацию. Очень крутой парень Хома не сумел задавить тебя пузом.

– Когда ствол в пузо упирается, не слишком хочется давить.

– Я догадываюсь, – согласился «подставной Изот».

И в это время у него зазвонил мобильник.

– Слушаю, – это тоже прозвучало по-армейски, только звание и фамилия не были оглашены. Кроме того, когда «подставной Изот» смотрел на светящийся мониторчик трубки, я все же глянул на его пальцы. Татуировки там не было. – Да, все в порядке. Я думаю, ему можно верить. Хорошо, я жду.

Он убрал трубку.

– Еще один вопрос из серии предварительных. Что ты в городе делал? До твоей бригады отсюда двести километров.

– Я должен был встретиться с призывниками будущей осени и рассказать им о службе в спецназе ГРУ. Пропагандистская работа. Это легко проверить в областном военкомате. Встречи должны были состояться на областном призывном пункте.

– А квартира, на которой тебя задержали?

Этот вопрос, как и предыдущий, был проработан еще в ходе подготовки к операции, и потому я не медлил с ответом:

– Квартира принадлежит одному нашему прапорщику, старшему прапорщику. Он родом отсюда. Досталась ему по наследству, и он собирается когда-нибудь в нее вернуться.

Вообще-то квартира была конспиративная, но этого не следовало знать даже отставному подполковнику.

– Все, – сказал «подставной Изот». – У меня пока больше нет вопросов. Представляюсь. Подполковник в отставке Сапожников Владимир Викторович, спецназ ГРУ. Все нормально, старлей. Олег Юрьевич сейчас подъедет, тогда и поговоришь с ним.

– Но... – я голосом старательно «рисовал» изумление.

– Я работаю в его фирме начальником охраны.

– Понял, товарищ подполковник.

Я даже сел по стойке «смирно». Владимир Викторович был, очевидно, доволен впечатлением, которое произвел, а у меня в это время в голове прокручивались варианты возможного обострения ситуации. Как среагирует моя страховка на появление второй машины? Могут ведь и попытаться провести блокировку. Особенно если подъехавшая машина встанет не впереди или позади, а рядом, и перекроет видимость. Движения на дороге почти нет. Улица тихая. Изот вполне может пожелать перейти из дверцы в дверцу. Тогда могут быть последствия.

– Значит, я попал в полное окружение.

– Что ты имеешь в виду?

– Сам Олег Юрьевич не додумался бы до такой простой вещи, но человек с вашим опытом должен перекрыть мне все пути отхода. Во дворах наверняка контролируются все проходы, в кустах в парке через дорогу сидят ваши парни. Я прав?

– Конечно, сидят.

– Если бы я был вашим противником, я бы сказал, что уважаю такого противника. Но я – союзник, и стараюсь вас в этом убедить.

* * *

Подъехавший «Мицубиси Паджеро» как раз и остановился так, как я с опаской предполагал. Закрыв видимость со стороны детского парка, поставив сложную задачу перед капитаном Рустаевым. Но Вениамин человек опытный. Судя по тому, что ничего не произошло, Вениамин правильно сориентировался. А отставной подполковник Сапожников, кажется, чего-то ждал. Он тоже человек, несомненно, опытный и на всякий случай выдержал паузу. И только потом тихо открыл свою дверцу, вышел и открыл дверцу «Мицубиси Паджеро». Оттуда выбрался человек, которого я даже в вечернем сумраке узнал сразу. Это был уже настоящий Олег Юрьевич Изотов. Его начальник охраны дверцу за шефом закрыл сам, сел в «Мицубиси», и вторая машина сразу отъехала. Но не слишком далеко. Остановилась метров через пятьдесят и заняла ожидающее положение у бордюра. Все же Владимир Викторович не до конца мне поверил. А если не до конца поверил, то следовало бы ему вообще рядом оставаться, потому что сейчас он уже на такой дистанции, что в случае обострения ситуации будет не в состоянии помочь шефу. Впрочем, вполне возможно, что я не прав. Допускаю вариант, при котором Сапожников просто дожидается Изота, чтобы потом куда-то вместе с ним отправиться.

– Ну что, подрастающий заказной убийца, – усмехнулся Олег Юрьевич. – Первую проверку ты прошел. Попробуем с тобой договориться. Так ты утверждаешь, что не убивал Мамону.

– Сразу точки расставим, – предложил я, стараясь не допустить его главенства в разговоре. В данном случае должны разговаривать партнеры, но никак не большой начальник со случайным назойливым просителем. – Я не подрастающий заказной убийца. Я – старший лейтенант спецназа ГРУ. Если бы у меня была необходимость, я убрал бы Мамону без следа и уж тем более не оставил бы при себе оружие убийства. Это прокол дилетанта. В мировой практике все киллеры бросают оружие на месте преступления, и не случайно. Все под богом ходим. Сделаешь дело, уйдешь. Случайная машина из-за угла выскочит, собьет, а при тебе пистолет найдут, тот самый. Это только один из вариантов. И таких вариантов множество.

– Значит, говоришь, менты пистолет подсунули? – Олег Юрьевич сразу неумно показал, что в машине стоит «прослушка» и он негласно «присутствовал» при нашем разговоре с подполковником. То есть, что подполковник Сапожников и сейчас прослушивает наш разговор. Видимо, аппаратура слабая, и он вынужден держать короткую дистанцию. Потому и не уехал. И я решил моментом воспользоваться и заработать себе очки в мнении начальника охраны, который, естественно, должен иметь влияние на своего шефа.

– А ты спроси подполковника Сапожникова. Подполковник спецназа ГРУ – это не просто подполковник. Он сам имеет подготовку, кратно мою превосходящую, но и мою оценить тоже сможет. Знает, что представляет собой старший лейтенант того же спецназа. Он тебе объяснит, что я такого прокола допустить не смог бы физически. Даже простая привычка сработала бы. Автоматический навык.

– Вот я и говорю, менты подсунули?

– Это один из вариантов. Второй допустимый – в мое отсутствие вскрывали квартиру и подложили туда пистолет, чтобы менты нашли его. Хотя первый вариант мне больше нравится.

– Почему?

– Процесс обыска. Все слишком скучно было. К шкафу сразу не подходили. Потом подошли, нашли и обыск прекратили. У меня впечатление сложилось, что они знали, где и что искать, а до этого комедию ломали. Все трое.

– Их трое было?

– Был еще СОБР – группа захвата. Но те в стороне стояли. Вернее, с двух сторон от меня. Чтобы я фортель не выкинул. А обыск три мента проводили. Капитан. Как его?..

– Севастьянов.

– Да. Он потом меня допрашивал. Тоже не сразу. Сначала пистолет на баллистическую экспертизу отправили, идентифицировали ствол, а я в «обезьяннике» ждал. Только и экспертизу сделали подозрительно быстро. Короче, не понравилось мне, как менты работают. Что-то там было не так...

– Возможно, – Олег Юрьевич на минуту задумался, потом повторил: – Возможно, ты и прав. Этот Севастьянов и мне не нравится. Я вообще ментов не люблю, а жадных ментов не люблю многократно.

– А он жадный? – спросил я.

– Блатные его Копилкой зовут. Что найдет в карманах подозреваемого в момент задержания, все в свой карман перекладывает, даже мобильники, и в протокол не пишет. Когда-нибудь на этом погорит.

– Тогда он меня не простит, – я засмеялся.

– Что он не простит? – не понял Олег Юрьевич.

– Я перед уходом часы с него снял, чтобы во времени ориентироваться, – мои часы у дежурного, который личный обыск проводил, остались, и кошелек еще позаимствовал. На мелкие карманные расходы деньги тоже необходимы. Даже на городской транспорт.

– Сколько там было?

– Полторы тысячи с какой-то мелочью. Если учесть, что я не пью, мне этого на некоторое время хватит.

– Странно, что это не занесено в протокол, – заметил Изот. – Это совсем не в стиле капитана. Он каждую копейку считает. Про часы там есть. А про кошелек ни слова. Как, кстати, ты его свалил? Что-то в чай подсыпал?

Я отметил про себя фразу Олега Юрьевича о протоколе. Протокол я не читал, но предполагал, что деятельность вора была отмечена там полностью. Кошелек, кстати, я выбросил в кусты недалеко от городской ментовки, естественно, переложив содержимое в карман. И причина, по которой капитан промолчал о пропаже кошелька, меня заинтересовала. Но над этим предстояло потом подумать. Пока же следовало закончить разговор и прийти, желательно, к согласию о сотрудничестве.

– Нет. Я не люблю пользоваться химией. Все проще. Мой отец – врач-психотерапевт. И я уже в школе начал изучать гипноз. Потом занялся этим всерьез. Причем самым экзотическим и малоизученным его видом.

– Каким?

– Цыганским. Когда внушение передается не только словами, но и взглядом. Слова только образуют определенный тон, способствующий суггестии и создающий условия для раппорта. А основное влияние передается с помощью глаз.

Я не сказал, разумеется, что и слова, когда уже эффект суггестии достигнут, играют важнейшую роль. И я этим воспользовался на случай следующей встречи с капитаном Севастьяновым. Я приказал ему запомнить контрольную фразу, после которой он будет слушаться меня безоговорочно. То есть арестуют меня снова, приведут к Севастьянову, и я условной фразой введу его снова в трансное состояние. И тогда он сам выведет меня и отпустит.

– Для меня это все темный лес, – признался Изот. – Ты меня сейчас, кстати, не гипнотизируешь? Можешь не пытаться, я не поддаюсь на такие штучки.

– Во время сеанса мне лучше смотреть в глаза. Тогда у меня хорошо получается.

Олег Юрьевич головой тряхнул, словно сбросил с себя какое-то наваждение, хотя я и не пытался проводить внушение.

– Ладно. Значит, ты предлагаешь свои услуги, – он очень ловко попытался поставить дело так, как оно было бы ему выгодно.

Я в ловушку не попался и ответил на такие слова легкой усмешкой.

– Нет. Услуги предлагать я не собираюсь, это не мой профиль работы. Я предлагаю только взаимовыгодное сотрудничество. Насколько я знаю, многие на тебя чуть не пальцем показывают. Ты – один из подозреваемых даже для ментов. Не случайно первое, что спросил у меня Севастьянов – давно ли мы с тобой знакомы.

– Этого не было в протоколе.

– Он вообще не писал протокол.

– Я сам смотрел начало протокола. Начало твоего допроса.

– Он только «шапку» заполнил с моими данными. Потом сказал, в чем меня обвиняют.

И спросил про тебя.

Я не импровизировал. Этот вариант разговора просчитывался психологами ГРУ. Мне необходимо было натравить сначала Изотова на Севастьянова, потом встретиться с Севастьяновым и натравить капитана на Изотова. Чтобы один прикрывал меня от другого и оба помогали мне с двух разных сторон, не докладывая друг другу о сотрудничестве со мной.

– В принципе я этого ожидал, – неожиданно легко согласился Олег Юрьевич.

Такое согласие означало только одно – Изот потому и проявлял повышенную активность по моему поиску, чтобы от себя отвести необоснованные подозрения. А что они необоснованные, мы оба знали хорошо. И я продолжил разговор в том же ключе:

– Не ожидать этого было трудно. Но я могу считать, что мы достигли принципиального соглашения о сотрудничестве?

– Можешь считать, – согласился он, думая о другом. – Ты где остановился?

– Пока нигде. Я отлеживался на даче у Виктора.

– Я Хоме позвоню. Можешь там и дальше отлеживаться, если больше нигде. Негде?

– Негде, – подтвердил я.

– Что тебе от меня надо?

– Мне нужен человек из близкого окружения Мамоны. Не из крутых, а из деловых. Кто в курсе всех его последних дел и последних встреч...

– Кажется, здесь я тебе смогу быть полезным. Я найду такого человека. Что еще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.